

Ирина
Лобусова

Продолжение
книги "Рагу
из лосося"

Рагу из
зернистой
икры

Ирина Лобусова
Рагу из зернистой икры
Серия «Рагу», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606769

Аннотация

Книга является продолжением книги «Рагу из лосося». Богатая жизнь современной Москвы поражает Нину, родную сестру главной героини предыдущей книги Ри. Нина приезжает учиться в столичный вуз. Но вместо этого девушка становится профессиональной моделью. Она открывает для себя жестокие законы модельного бизнеса и попадает в беду, страшнее которой ничего нет. В жизни самой Ри так же происходят судьбоносные перемены. Брак с продюсером оказывается катастрофой и трещит по всем швам. С карьерой эстрадной звезды ничего не выходит. Появление в жизни Нины только добавляет проблем. Сможет ли богатая и влиятельная Ри спасти свою младшую сестру, не сумевшую справиться с соблазнами роскошной жизни?

Содержание

1	6
2	15
3	24
4	26
5	32
6	38
7	50
8	57
9	62
10	67
11	77
12	84
13	90
14	97
15	107
16	117
17	126
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Ирина Лобусова

Рагу из зернистой икры

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Кто изваял тебя из темноты ночной,
Какой туземный Фауст, исчадие саванны?
Ты пахнешь мускусом и табаком Гаваны,
Полночи дитя, мой идол роковой.*

Шарль Бодлер.

Два жарких тела сплелись на кровати в едином объятии. Прохладные простыни из натурального шелка приятно прикоснулись к разгоряченной коже. В комнате от тепла запотели окна. В помещении было очень жарко. Плюс – горящий камин. Наконец, устав от любви и до предела насытившись друг другом, любовники разжали объятия, разметались по-

среди скомканных простыней. Жаркое иступление страсти придавало телам терпкий привкус, и обоим почему-то казалось, что они парят (отдельно от своих тел) под потолком. Длинные волосы девушки свешивались с кровати вниз, падали на пол. Улыбаясь, мужчина намотал длинные пряди на руку, затем подтянул руку к себе... Девушка поморщилась:

– Больно же! Что ты делаешь?...

– Правда твои волосы смотрятся так красиво на моей руке?

Она засмеялась. Смеясь вслед за ней, мужчина принялся наматывать на другую руку новую прядь.

– Твои волосы – роскошь. Они снятся мне во сне.

– А я думала, что снюсь тебе вся! – девушка, кокетничая, приблизилась к нему.

– Нет. Только твои волосы. Это же настоящее сокровище! Ты должна их хранить.

– Глупости! Что может статься с моими волосами? К тому же, это мои деньги. Пока.

– Давай не будем об этом!

– Я знаю, тебе неприятно, но что же поделаешь... К тому же контракт временно и...

Мужчина решительно привлек ее к себе, закрывая ей рот поцелуем, накрывая ее тело своим телом. В комнате окна запотели еще жарче. Громкие стоны любовников заглушали треск сгорающих в камине дров.

1

В длинном коридоре института было невероятно холодно с ночи. Четко звучали стучащие по полу каблуки, и казалось – звук утрированно отражается под потолком. В морозном воздухе все отражено, а в коридорах точно была минусовая температура. Со злорадством она подумала: логично, если на занятия не явится сегодня никто. Сжимая пачку контрольных под мышкой, она ускорила шаг. Безлюдные коридоры утреннего института навевали тоску.

Она специально пришла пораньше, чтобы в покое и тишине проверить контрольные, но не рассчитала свои душевные силы... Пустые аудитории и длинные коридоры выглядели так, что ей вдруг захотелось бежать. Чувство было таким сильным, что она остановилась, с тревогой прислушиваясь к себе. Она никогда не считала себя невротичной. К тому же, будучи образованным, здравомыслящим человеком, она привыкла все основывать на логике, на холодных понятных фактах (только с этим жизнь получала смысл!). Даже в самые тяжелые жизненные минуты она никогда не позволяла себе погрузиться в хаос, тщательно анализируя любые варианты решений, выбирая самое полезное, оправданное из них.

Но мысль убежать не поддавалась никакому анализу, никакой логике. Словно черный, всегда пугающий ее хаос, оно затопило с головой. Ощущение было таким острым, таким

сильным, что отказались слушаться ноги. А сердце колотилось так, словно она действительно проваливалась в черную дыру. Рука машинально потянулась к сумке, чтобы схватить мобильный телефон и куда-то звонить, но она тут же резко оборвала себя – что за глупости! Куда звонить? Зачем? И чем сейчас поможет ей телефон? Пустота аудиторий и коридоров всегда действовали на нее успокаивающе, помогали сосредоточиться, тихонько поработать в тишине. В эти спокойные и размеренные утренние часы ауру окружающего ее покоя не пробивали ни шаги, ни громкие голоса, ни постоянно звучащие вопросы, ни надсадный писк чужих мобильных (их было так много, что иногда ей казалось – этими чертовыми мобильникам просто усеяны все стены и полы!). Она приходила в институт, как к себе домой. Только по утрам, в спокойной обстановке могла заниматься научной работой, готовиться к лекциям, делать наброски для будущей статьи. Так было всегда. Она уже привыкла к нерушимости этого целительного ощущения покоя.

Так было до этого утра. И вот теперь..... Она снова попыталась себя одернуть – наверное, возрастное. После 45-ти может возникнуть любой психоз. Нет. Ничего не получилось. Ощущение паники стало еще более сильным, оно буквально вцепилось ей в горло, заставляя сделать дикий, не разумный шаг назад. Теперь она почувствовала, что все ее тело начинает дрожать. Дрожать мелкой, противной дрожью, той самой, омерзительней которой просто нет! даже зубы выби-

вали крупную дрожь!

«Отпуск», – твердо приказала себе, – «только отпуск – это единственное приведет меня в норму. Немедленный отпуск – со следующей недели. Нет, лучше завтра».

Она снова пошла вперед, надеясь, что мысль об отпуске принесет хотя бы временное улучшение, но этого не произошло. Во-первых, отпуск в середине января выглядел как-то странно... Во-вторых, ее заведующий кафедрой уже знал, что она идет в отпуск в августе. В-третьих, первые контрольные, начало к подготовке курсовых, три начатые статьи и методичка с расчетами, которую обещала сдать еще на прошлой неделе. Нет, надо брать себя в руки – как-то иначе. Как-то...

Дверь аудитории, к которой она подошла, вдруг стала медленно отворяться – с тихим надсадным скрипом. Медленно скрипя, сантиметр за сантиметром... Едва не завопив от неожиданности, она отлетела к стене. Дверь дошла до определенного предела (раскрывшись больше, чем наполовину) и медленно остановилась. Она застыла на месте, не спуская с нее глаз. Когда прошло несколько очень долгих секунд и она поняла, что дверь раскрылась от порыва сквозняка, из груди ее вырвался опустошительный вздох. Очевидно, уборщица уже побывала в этой аудитории и оставила открытым окно. О том, что уборщица действительно побывала в институтском корпусе, свидетельствовали чуть влажные полы, сдвинутые чуть в сторону скамейки от парт и кое-где открытые фор-

точки. Уборщицы заканчивали работу раньше, чем появлялась она. Но иногда она сталкивалась с ними, поднявшись особенно рано. Некоторые из уборщиц откровенно выражали ей свое недовольство, и она стала рассчитывать время, чтобы не сталкиваться ни с кем из них. Иногда это получалось, иногда – нет. Постепенно она приучилась не обращать на это внимание.

Разумное объяснение немного успокоило. Она уже решила продолжить путь к кафедре, когда вдруг на внутренней поверхности белой двери увидела странные черные пятна. Они заинтересовали ее тем, что лепились к двери и словно стекали вниз какой-то беспорядочной гроздью. Она наклонилась, слегла ковырнула ногтем. Воск. Черный воск. Очевидно, это восковой нагар, накапавший с какой-то свечи. Но почему – черной? И почему эти пятна не соскребла уборщица, ведь они так явно бросались в глаза? Заинтересованная, она наклонилась еще ниже. Так и есть: воск, который (судя по всему) оплыл с очень длинной и черной свечи. Странное впечатление от этой находки усугубило панику настолько, что ей вдруг стало трудно дышать. Рука автоматически рванулась к горлу, оттянуть ворот свитера... С громким звоном тоненькая золотая цепочка, разорвавшись мгновенно от прикосновения ее руки, упала вниз. Это был ее нательный крестик. Золотой крестик, который носила всегда. Опечаленная, она подняла его с порога (куда крестик упал) и вдруг застыла...

Маленький золотой крестик раскололся, и только две разрозненные полоски желтого металла остались в ее руках. Позже именно этим странным обстоятельством она объяснила свое намерение войти в аудиторию. Конечно, объяснение было бессмысленным, алогичным, нелепым, но что же делать, если звучало оно именно так... Сжав в руке обломки креста, она переступила порог в огромную аудиторию. Решительно и бесповоротно вступила вперед.

Потом раздался крик. Оглушительный крик неистовой силы, десятикратно увеличенный под потолком. В этом крике было столько отчаянного, первобытного ужаса, столько паники и откровенного кошмара, что он мог бы, как молния, пригвоздить любого к земле.

Вахтерша прибежал именно на этот, такой страшный, первый крик. Он нашел ее лежащей в аудитории на полу... обеими руками она раздирала лицо, пытаясь заткнуть глаза и рот, и все продолжала кричать, а волосы были белы, как снег.

В узком переулке возле служебного входа ругались трое мужчин. Вернее, ругался один из них, низенький, пожилой, а двое помоложе (и повыше ростом) слушали его с непроницаемыми, каменными лицами.

– А я вам говорю, что это невозможно! – петушился пожилой, – вы хоть представляете сумму ущерба? Представители крупного бизнеса съедутся на этот семинар, арендованы помещения, лаборатории... Весь преподавательский состав тщательно готовился к презентации... А, это невозмож-

но! Невозможно, говорю я вам! Должны же вы хоть что-то понимать! Ваше же начальство ничего оплачивать не будет, правда? В конце концов, я требую немедленно прекратить это безобразие и...

– Да что с ним говорить, с остолопом! – резко перебил один из молодых, обращаясь ко второму, полностью игнорируя словесные выпады пожилого, – запечатать – и дело с концом! Будь моя воля, я бы всех их тут разогнал, бездельников! Наплодили экономических институтов, а толку от них, как от козла молока!

– Да как вы смеете! – лицо пожилого пошло красными пятнами, – я профессор, заслуженный член.....

– Да хоть десять раз профессор, а дурак! – хохотнул молодой.

– Я буду жаловаться вашему начальству! Это произвол! – вдруг завизжал пожилой, на что третий мужчина (тот, к кому обращался молодой, по виду, явно его напарник), вступил твердо и решительно:

– Слушай, ты, заслуженный член, помещение действительно придется опечатать.

– Как вы смеете! Ко мне люди съедутся! Со всех крупных городов России! – пожилой замахал руками, как ветряная мельница – так, что распахнулись даже полы его длинного черного пальто.

– И что, это нужно показывать всем людям? Завести их в ту аудиторию? Думаю, после этого зрелища в вашем инсти-

туте не будет уже ни одного семинара!

После этих слов пожилой как-то сник:

– Да, конечно... Я как-то не подумал....

– Думаю, после зрелища в той аудитории они навсегда забудут о любой экономической теории! Вот, преподавательницу вашу даже в психушку увезли. А вы говорите тут – бизнес-структуры! Так что аудиторию надо опечатывать, вместе со всем крылом. Ничего, переместите семинар в какой-то другой корпус. Вон, у вас по всей Москве их три...

– Но этот в центре... – робко попытался пожилой.

– Так, всё. Пререкаться больше не будем. Крыло флигеля закрыто – и точка. Пока идет следствие. Имеем право! Допустить туда ваших уборщиц с тряпками да растворителями – убить всю следственную работу! Вы же умный человек, сами все понимаете! Это следы для следствия, уничтожить их нельзя. И точка, тема закрыта. Чем стоять здесь и на нас орать, лучше бы срочно занялись переобустройством этого своего семинара!

Нехорошо посмотрев на них, профессор с отчаянием взмахнул руками, и поспешил прочь. Один из молодых (первый, который хамил), смачно плюнул на снег:

– Придурок!

Неторопливо переговариваясь, они пошли к черному фургончику с выразительной надписью «судмедэкспертиза».

– Пакость какая... стрелять их надо, гадов, чтоб руки не распускали! – первый, очевидно, привык не стесняться в вы-

ражениях и ко всему подходил очень эмоционально. Второй ничего не ответил. Он был полностью погружен в свои мысли. Но первый так просто сдаваться не хотел.

– А волосы чьи?

Второй хмыкнул. Первый словно бы устыдился.

– Да ладно... Понял, конечно. Ее, ее, чьи ж еще... Шампунь? Да?

– Точно. Он самый.

– С ума сойти! Каждый день ведь смотрю...

– По мне – так все они на одно лицо, вешалки дохлые. А теперь – глаза б мои все это не видели!

– Это уж точно.

Они подошли к черному фургончику и остановились, оглядывая корпус института (величественный, очень красивый особняк):

– А красивый домик! – первый присвистнул, – видать, деньги у них водятся! Отреставрировали, что ли?

– Точно! Пару лет назад.

– Понятно теперь, почему этот козел так упорствовал. Такое зрелище само по себе на миллионы баксов тянет! А тут придется тащить своих дойных коров на Юго-Запад, к черту на рога... Да еще в какое-то арендованное НИИ...

– Не НИИ арендованное. Они у НИИ помещение арендуют.

– Понятно. А что они там изучают, в этом институте?

– Экономическую теорию. Управление персоналом. Раз-

витие бизнес-структур и тому подобное. Это сейчас модно. Да и не учат они, а деньги зарабатывают. В таких вузах нормальные люди не учатся, только те, кому денег девать некуда. Уроды, одним словом.

– Понятно, – снова согласился первый, – как думаешь, тетка эта очухается?

– Преподавательница? Уже очухалась! Вкололи ей чего-то, вот и пришла в норму.

– Страшное ведь дело – увидеть такое... Не всякий выдержит.

– Слушай, пока не уехали, есть у меня кое-что. Один кадр дал. Вот, смотри, – и второй положил на ладонь первому глянцевою визитную карточку с позолоченным вензелем.

– Ничего ж себе! – присвистнул первый, тщательно разглядывая карточку на свет, – шампунь?!

– Он самый! Точно.

Переглянувшись, оба решительно застучали в дверцу черного фургона.

2

Звонок трезвонил пронзительно и долго. Ответом ему была полная тишина. Казалось, за бронированной дверью нет ни малейшего признака жизни. Только вакуум, полный космос, мертвая вселенная..... Полноватая девушка в дешевой одежде, купленной на базаре, поставила на пол потертую матерчатую сумку. Плечи ее сжались. Девушка была очень красива, но явно не догадывалась о своей красоте. Высокая и крепкая, хорошо сложенная, с длинными прямыми волосами сочного каштанового цвета и яркими зелеными глазами, она была похожа на полевой цветок, распустившийся где-то вдалеке, в лесу, на благодатной, не знающей людей земле. Дешевая одежда не портила девушку. Конечно, ей совсем не шла старушечья длинная юбка из синей шерсти (явно перешитая из маминых обносков) и китайская синтетическая кофточка ядовитого сиреневого цвета (дешевая китайская тряпка, такой пронзительный ширпотреб, мимо которого с огромным презрением прошли бы 9 из 10 столичных жителей). Ее свежее, чистое лицо не знало косметики, а ногти маникюра (возможно, именно поэтому девушка была особенно хороша). На красивых ногах просто безупречной формы были стоптанные черные туфли (тоже китайские) на низких каблуках.

Девушка позвонила в звонок в очередной раз, и, услы-

шав в ответ тишину, горько вздохнула. Потом села на свою огромную сумку. Таких сумок в Москве никто уже не носил. Сумка была еще советской и такой отчаянно провинциальной, что при взгляде на нее мгновенно вспоминались пятилетки за четыре года и БАМ. А клетчатая расцветка могла буквально сразить наповал. К тому же, сумка была старой.

Девушка села на нее, поджав ноги, и грустно уставилась на дверь. Позвонить она не могла, потому, что мобильного у нее не было. Дверь соседней квартиры приоткрылась, и из узкой щели выглянула толстая тетка в бигуди на рыжих волосах. С жирной, дебелией шеи тетки свешивалась массивная золотая цепь.

– Опять к шалаве этой! – почему-то с видимым удовольствием прокомментировала тетка, – покоя от нее ни днем, ни ночью, а еще артистка! Весь дом жалуется! В прокуратуру на нее писать будем! В прокуратуру!

Девушка промолчала. Тетка в глаза бросилась ее клетчатая сумка.

– Ты че, в прислугу к ней наниматься, че ли?

– Нет, почему же... – девушка вздрогнула, как будто ее ударили.

– А я подумала, что в прислугу! У нее меняются домработницы каждые два дня! Да и понятно – кто ж такую жизнь выдержит? Шалава, одним словом – шалава! А ты чего тут сидишь? – вдруг насторожилась тетка.

– Дверь никто не открывает.... – грустно сказала девушка.

– А она дома! – злорадно ухмыльнулась тетка, – дрыхнет, наверное! Они как в пять утра вчера вернулись, так еще не выходили! А прислуга ихняя сбежала еще два дня назад!

Девушка безразлично кивнула. В глубине соседней квартиры зазвонил телефон, и тетка быстро захлопнула дверь. Внизу тоже хлопали дверьми. Дом жил своей привычной жизнью. Дешевенькие пластиковые часики девушки показывали ровно три часа дня.

Решительно поднявшись, девушка снова позвонила в дверь. Это было явным жестом отчаяния – девушке некуда было больше идти. Несмотря на всю огромность Москвы, идти ей было абсолютно некуда, и оставалось только сидеть на лестничной клетке, да трезвонить в проклятую дверь.

Но в этот раз ей повезло. Дверь вдруг дрогнула и раскрылась. На мраморную плитку пола упала полоска электрического света.

– Ну? – буркнула женщина, открывая дверь. Она была в черном пеньюаре, наброшенном прямо на нижнее белье, но, казалось, она совершенно не стесняется своего внешнего вида. Возможно, при других обстоятельствах женщина могла бы сойти за красивую, но только не теперь. Это была изящная женщина среднего роста, черноволосая, с модной короткой стрижкой, которая очень ей шла, несмотря на то, что волосы были всклокочены. От женщины пахло потом и дорогими духами, а по распухшему лицу был размазан грим. Неряшливые пятна жирной помады вокруг рта, стекающие

потоки туши, размазанные румяна придавали ей просто отталкивающий вид. Глаза ее шурились от света, а выражение лица было невероятно злым.

– Ну? Чего тебе? – зло буркнула женщина.

Глаза девушки распахнулись просто до невероятных размеров, она страшно растерялась. Не дождавшись ответа, женщина сделала шаг вперед и впилась в лицо гостьи тяжелым взглядом. Вскоре взгляд ее принял осмысленное выражение:

– О Господи... Чего ты приперлась?

– Ты что, меня не узнаешь? – решила девушка.

– Узнаю, конечно! Какого ты сюда приперлась?! Да еще в такую рань?!

– Но мама сказала... – девушке очень хотелось плакать, но она сдерживала себя изо всех сил.

– Знаю, знаю! – женщина посторонилась, пропуская ее в квартиру, – мама всегда слишком много говорит! Иди, иди, раз пришла...

Дверь захлопнулась. Девушка оказалась в квартире. Женщина провела ее в гостиную, обставленную просто роскошно. Особенно поражал воображение шикарный, декорированный мрамором камин. Девушка никогда не видела такой роскоши, и теперь она неуверенно жалась на пороге, не зная, как себя вести.

– Ну заходи, дурочка! Чего жмешься в дверях! – женщина с размаху плюхнулась на необъятных размеров диван, –

шмотки-то брось! Сумка что, мамина?

– Мамина, – тихо сказала девушка.

– Понятно. Могла бы о своем приезде хоть предупредить! У меня очень много дел, разных... Ни минутки свободной. Ты совсем не кстати! Как снег на голову! У меня столько проблем, тебя еще не хватало! Что, телефоном пользоваться не умеешь? Не могла позвонить?:

– Я предупреждала. Телеграмму прислала. Думала, ты меня на вокзале встретишь...

– Делать мне больше нечего! Что ты прислала?!

– Телеграмму...

– Понятно. Я такое не читаю. Времени нет. Валяется, наверное, где-то в ящике. Ладно. Приехала – так приехала. А, кстати, зачем? Какого черта ты сюда приперлась?

– Поступать в институт.

– Чего?! – вдруг откинувшись на спинку дивана, женщина оглушительно расхохоталась, да так громко, что задрезжали даже хрустальные подвески люстры – на самом верху.

В этот момент в одной из дверей, выходящих в гостиную, появился мужчина. Это был мужчина средних лет, представительный и очень солидный, с густой черной растительностью на лице. Роскошные усы и длинная борода придавали ему прямо средневековый вид. Мужчина был в бархатном халате бордового цвета, а лицо было таким же распухшим, как у женщины. Углубившись в гостиную на несколько шагов, он бросил на женщину злобный взгляд из-под нахму-

ренных бровей:

– Ты заткнешься сегодня или нет?

Она соскочила с дивана так, будто ее подбросили пружиной:

– Вот, познакомься. Это Нина. Моя родная сестра.

И, повернувшись к девушке, бросила через плечо:

– Мой муж, Валерий Евгеньевич.

Мужчина преобразился. Лицо его стало невероятно любезным и расплылось в слащавой улыбке, он весь сжался, подбирая расхлябанную фигуру прямо на глазах. Осанка его вдруг стала гордой, волосы – роскошными, манеры – очень уверенными. Он с жаром поцеловал девушке руку, долго заглядывал в глаза:

– Ах, моя дорогая, как я счастлив! Будьте как дома! Я так вам рад. Так рад!

Женщина нахмурилась. Лицо ее стало совсем зверским и она вытолкала его буквально взашей:

– Ну, все. Иди-иди. Нам надо поговорить с сестрой.

Мужчина ушел, через плечо строя девушке глазки. И по ее растерянному лицу было видно: радушный прием не успокоил ее, а наоборот, напугал...

– Жить здесь ты не будешь, – зло бросила женщина, – отвезу тебя в другую квартиру. У меня есть. Так зачем, говоришь, ты приехала?

– Мама сказала, поступать в институт.

– Мама сказала! А кто мне – зачем?

– Марина... но как же...

Женщина резко дернулась, как будто ее ударили:

– Я не Марина! И если хочешь остаться в Москве, не смей так меня называть!

– Как же тебя называть? Сценическим именем?

– Кусаться вздумала? – женщина с размаху подскочила к ней, – так вот запомни: зубки свои ты мне здесь показывать не будешь! Иначе я в два счета тебя отсюда вышвырну! Ты хорошо меня поняла?

– Кажется, хорошо. Но я не хотела тебя обидеть. Просто хотела спросить, как тебя теперь называть...

– Ри. Меня зовут РИ. И ты зови меня так тоже. Только так, и никак иначе. Ри.

Женщина с размаху подскочила к огромному панорамному окну и уставилась с таким видом, как будто увидела в нем привидение. В комнате повисло напряженное молчание. Наконец она отошла от окна.

– В какой хоть институт?

– Я не знаю. Мама сказала – ты подскажешь...

– И, разумеется, заплачу, да? Скажи лучше, во что ты вырядилась? Я что, посылала вам мало денег? Неужели ты не могла купить что-то приличное?

– Мы откладывали деньги на учебу. Мама сказала, что мы должны собирать.

– Тьфу, дуры две... Ладно. Собранные деньги с собой?

– Ага.

– Завтра поедem по магазинам. Потратишь их на приличную одежду.

– А как же институт?

– Я, разумеется, заплачу.

– Правда? Ой, спасибо, Мариночка! То есть Ри.....

– Да, Ри. Я тебе помогу. Выберу что-нибудь приличное, не беспокойся. Ладно. Устроиться я тебе помогу.

Лицо девушки расцвело. Даже лицо женщины стало менее мрачным:

– Неужели ты уже закончила школу?!

– Ага. Год назад.

– И что ты делала год?

– Да так, дома как-то перебивалась...

– Как время летит, Господи! Дай-ка я погляжу на тебя!

Да ты изменилась совсем! Красавица стала, настоящая красавица! – обнимая девушку за плечи, женщина подвела ее к окну, – только вот зачем ты приехала-то сюда?

– Как же... Ведь здесь – ты!

– Да. Конечно... конечно... – женщина опустила руки и мгновенно отошла от сестры, – хочешь коньяку?

– Нет. Я не пью.

– Будешь!

Тихонько звякнул хрусталь. Женщина быстро протянула ей бокал.

– Пей!

– Ри, да я не хочу...

– Пей, я сказала!

Девушка проглотила темную жидкость и закашлялась так, что на глазах ее выступили слезы. Женщина снисходительно похлопала ее по плечу:

– Значит, так. Сиди здесь и жди. Сейчас я приму ванну, быстро приведу себя в порядок и отвезу тебя на другую квартиру – туда, где ты будешь жить. Я сказала – сиди!

Женщина толкнула ее на диван и быстро, порывисто выскочила из комнаты. Девушка осталась одна, тоскливыми глазами уставясь на дверь. Для тоски у нее была веская и очень ощутимая причина. И причиной ее была совсем не такая встреча с сестрой. Дело в том, что девушка не ела ничего с самого утра – с того самого момента, как вышла на перрон одного из московских вокзалов. Она умирала от голода, а сестра не предложила ей поесть. Ей это и в голову не пришло... От коньяка стало противно тошнить. Есть хотелось мучительно, просто страшно – хотя бы одну крошку хлеба! Хоть сухую корку... Все, что угодно. Но попросить она не могла. Чтобы отвлечься, принялась рассматривать роскошную гостиную. Она никогда таких даже не видела... Было начало июня. Ее первый день в Москве.

3

КОМУ: mamhome@mail.ru

ОТ: ninela@gmail.com

ДАТА: 14 января 2013 года

ТЕМА: Скучаю и люблю!

Привет, мамочка, солнышко мое родное! У меня все-все замечательно! В Москве мороз, но я его почти не замечаю – столько дел! Каждый день у меня какие-то новые знакомства, встречи, масса впечатлений – словом, жизнь бурлит, и я просто счастлива, что оказалась здесь! Ты все замечательно придумала – отправить меня к Марине. Действительно, это было правильное решение. У Марины все хорошо. Карьера идет в гору, успешна, и отношения с мужем тоже хорошие. Ты спрашиваешь, какое впечатление произвел на меня муж Марины. Я его почти не знаю. Общаемся мы редко. Если за все время перекинулись парой фраз – уже хорошо. Это очень солидный, серьезный человек. Внушительная фигура. У него офис в самом центре Москвы, и большой музыкальный бизнес. Но Марина сказала мне как-то, что у него есть еще какой-то бизнес, что музыкальный – идет побоку, это не основное его занятие. А какое основное – не уточнила. Что это за бизнес, я не знаю, да и меня это не интересует. Ты ведь знаешь, я живу в другой квартире. Но Марина говорит, что муж относится к ней хорошо. Конечно, бывают и

ссоры – как же без этого? Но в какой семье не бывает ссор! Учеба моя идет отлично. И с работой тоже все в порядке. Я теперь работаю – подрабатываю на карманные расходы. Работаю я в одной консалтинговой форме помощником аудитора, ты же знаешь, что я учусь в экономическом институте и буду экономистом. Работа серьезная, ответственная. Учусь носить деловой костюм. Вот, собственно, и все. Все мои новости. Учебы и работа – ничего больше! Как там мои бывшие подруги? Небось, все замуж повыскакивали? Марина передает тебе огромный. Пламенный привет! Надеюсь, ты получила деньги, которые я тебе выслала? Как там Славик? Пиши обо всем! Скажи Славiku, что настроение у меня отличное, и вообще – все замечательно! Целую тебя миллион раз! Пиши скорее! Нина».

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ НОЧЬ С 14 НА 15 ЯНВАРЯ 2013 ГОДА

«Меня преследует ведьма. Душит по ночам. Здесь все плохо. Смутные тени по углам, и мне страшно. Мне страшно. Я чувствую смерть. Чувствую ее зловонное дыхание рядом, совсем близко. Произойдет что-то плохое. Очень плохое, и я не смогу этому помешать. Я не знаю, что со мной... Я теряю себя в темноте. Темнота вокруг, сплошная. Она душит меня в разгар теплого солнечного дня, закрывает этой пеленой. Может быть, это я сама умираю? Умираю потому, что потеряла себя в этой темноте? Не знаю. Ничего не знаю. Видеть никого не хочу. Мне страшно, и избавиться от этого страха невозможно. Ри дура, и говорить с ней не о чем я не могу. Если б она была умней... Впрочем, не сейчас! Об этом я еще не готова, позже. Я вообще завела этот дневник для того, чтобы писать о себе, а не о других. Кстати, на любую ведьму можно найти другую ведьму. Я догадываюсь, чьи эти штучки! Этой жирной сволочи с прыщавой мордой, которая со своими перетравленными лохмами и жирной жопой лезет в «Космо», как будто так и надо! Можно подумать! И всех достижений в том, что перетрахалась со всей Думой! Или нет, кажется, не Думой... Как у них там в Киеве это называется? Рада, вроде... так вот: сука деревенская, а пытается

перебить у меня контракт! Да я на нее такую ведьму напущу, что она у меня попляшет! Я так Инге и сказала: эта жирная деревенская сука еще пожалеет, что со мной связалась! В «Космо» должны быть мои снимки! Кстати, и Вал. Евг. Меня поддержит! Правда, я ему еще не говорила, но, если надо, скажу! А для начала повтыкаю ей в прическу булавки, падле! Этой дрянни дали сом ной одну гримерную, и завтра я с ней расправлюсь, если она не угомонится! Пожалеет, дряннь, что на свет родилась! Кстати, не забыть сказать Инге, что если еще раз увижу ее фотографии в офисе во время моего кастинга, то разорву эти фотографии прямо у нее на голове! И даже если Ри узнает, мне плевать! Я не остановлюсь перед скандалом. Марина сама не перед чем не останавливается! Но речь, вообще-то, не об этом... О другом... Мне плохо! Я никогда не думала, что все будет плохо вот так! Не думала, что будет плохо настолько... Только что закончила письмо маме. Господи, какой невыносимый груз вот так ей врать! Мама, если бы я могла рассказать тебе правду... Мама, ты, наверное, просто умерла бы от ужаса, но даже не догадалась бы о том, как сильно мне нужна твоя поддержка и помощь... Мне так плохо, мама... Ри заставляет меня писать письма, и, когда трезвая, тщательно за этим следит. Если б не ее гестаповский надзор, давно бы бросила это занятие! Мать все равно ничего не поймет, а от этой лжи мне всю душу выворачивает наизнанку! Но Ри вообще не понимает, что у меня есть какие-то эмоции. Для нее я вещь. Кукла. Она очень же-

стокая. Сладить с ней невозможно. И поэтому я вынуждена писать. Если бы Ри меня хоть когда-то послушала... Ладно, не буду об этом. Я хочу к маме, домой! Но если заикнусь об этом Ри, она убьет меня в полном смысле этого слова. Я не рада тому, что теперь столичная штучка. Я хочу к маме, домой. Центр Москвы меня подавляет. Чувствуешь себя такой маленькой и ничтожной... Особенно сейчас. Я устала просыпаться с ощущением того, что являюсь ничтожеством. Господи, как же я устала... У Ри бываю очень редко. Кстати, надо завтра ей позвонить, сказать, что не приеду к ним через два дня, а потом быстренько отключить мобильник – потому, что если я этого не сделаю, то она будет звонить, звонить и звонить часами, и в конце концов заставит меня прийти, а сделать это я не могу. Я устала видеть то, как они друг друга убивают. Я никогда не думала, что можно жить в браке и так ненавидеть друг друга! Иногда мне кажется, что все это закончится убийством – или Ри убьет Вал. Евг., или Вал. Евг. – Ри. Ри стала такая страшная... Когда они начинают ругаться с этим жутким металлическим блеском в глазах, мне хочется сбежать на другой конец земного шара! Никогда не хочу даже думать о замужестве, если любой брак – такой! Это ужасно – Ри и ее так называемый супруг ранят друг друга так остро, что кажется: они заживо режут острыми ножами. Конечно, Ри можно понять: Вал. Евг. Подлец из подлецов. Но и она не подарок... Я могу смотреть на нее объективно, хотя она и моя родная сестра. Из-за отмены га-

стролей она буквально сходит с ума! Конечно, кому приятно знать, что тебя не хотят! Если бы Вал. Евг. Был человеком, он не преподнес бы ей это в такой форме, но он не человек. Я его боюсь. И Ри тоже. Она боится его, потому и нападает так жестоко. А карьеры у нее уже нет. Говорят, карьера может двигаться только двумя способами: либо – вверх, либо – вниз. А у Ри карьера движется вниз. Причем с такой скоростью, что мне страшно. Она не может это не понимать. Конечно, все это было временно, это и так понятно (какая из Ри артистка?). Но Ри почему-то поверила, что навсегда! А разве можно верить хоть во что-то в этой жизни? Разве можно быть уверенной в завтрашнем дне? Хоть мне и 18, но это я уже понимаю. Объяснили. А дурочка Ри хоть и старше, но никогда ничего не поймет.

Вот вчера, к примеру. Только приехала в агентство, а там у Инги заседают «шторы». Сделала два шага – столкнулась со «шторами» лицом к лицу (ну наглая баба, наглая до невозможности! Просто кошмар! Кстати, завод по производству штор ей к лицу! У нее дух и манеры бабы – заводчицы! А рекламой своих штор уже все агентство задолбала! Если б не деньги, которые она платит, пережить ее визиты никто бы не смог!).

– А, ты. Твоя сестричка вчера презентацию сорвала! Скандал страшный! Когда-то и ты по ее пути пойдешь!

– Я не понимаю. Вы о чем?

– Твою сестру на приличную тусовку приглашали, две

штуки ей заплатили, а она что? Напилась, как свинья, да чуть не подрала морду с Виноградовой! Ругались, как торговки на базаре! Даже муж не смог ее оттащить!

– Это вам кто рассказал? Виноградова?

– Подруга! Она там была!

– Так вот: передайте подруге, что Виноградова – наркоманка, больна сифилисом, любовник ее бросил, ни в один приличный сборник ее не приглашают, и вообще она – скандалистка и сволочь, которую ни в одно приличное общество не пустят! А если эту Виноградову пригласили на презентацию, это уже показывает уровень всей презентации!

– А твоя сестра....

– А моя сестра – звезда и образец стиля! Ее пригласили, как единственную звезду, и гонорар у нее был в пять раз выше. Чем у Виноградовой!

– Ты хочешь сказать, что Виноградова согласилась за 400 долларов?!

– За 350!

– Ты серьезно?! Ну, я подруге и расскажу!.. Это ж надо... С ума сойти...

В глазах «штор» зажегся огонек, и я поняла, что сплетен хватит. На самом деле Виноградовой заплатили больше, чем Ри, но не буду же я об этом говорить! Ри из-за этого и устроила скандал. Но что поделаешь – она и двух тысяч не стоит. А честь сестры я вынуждена защищать. И если б это был один скандал! После отмены гастролей у Ри таких скандалов

по десять в день! Все, хватит. Писать о ней – голова разболелась. Надо и о себе подумать. Справляться с ситуацией... неужели жирная действительно пошла к ведьме?! Все может быть. Но по крайней мере я хоть не Снегурочка! А она Снегурочкой пахала, между прочим, с 15 декабря по 10 января! Дешевка вонючая!

5

Снег пошел в три часа ночи, и с небольшими перерывами шел до самого утра. Именно поэтому на бетонной дорожке, ведущей к магазину, не осталось никаких следов. Там, где сквозь роллеты и рамы кровь протекла на снег, остались розоватые пятна, которые с каждым часом становились все бледней и бледней, и, наконец, исчезли совсем. Поэтому казалось, что в магазине ничего не произошло, просто свет слишком долго горит в подсобке, а, может, это так надо – оставлять его на всю ночь.

Людей не было. Даже самым отчаянным зевакам не было интереса торчать с утра под неказистым зданием магазина в снег и десятиградусный мороз. Подумаешь, очередной ограбление, сколько их бывает – каждый день, не больше. Не меньше. Несколько злобных омовцев (машину с которыми неизвестно зачем подогнали к подсобке) уже успели буркнуть своим знакомым, которые появились на горизонте с наступлением утра – мол, ограбили магазин, забрали выручку, да и только. Знакомые быстро бежали по морозу, ускоряя шаг, по своим повседневным делам – ради заурядного ограбления не было никакого смысла останавливаться.

Съемочная группа какого-то из местных телеканалов появилась после восьми утра, в десять минут девятого. К ним вышел кто-то из начальства и картинно удивился: зачем.

Мол, приехали в такую рань, подумаешь, ограбили ночной магазин и забрали выручку, бывают происшествия и позанимательней. Кроме этой съемочной группы, других репортеров в округе не было. Никто не осаждал запертую подсобку вспышками камер, никто не обрывал кнопки мобильных, пытаюсь первым доставить информацию в крутое издание, никто не приставал к стоящим на карауле омонцам, пытаюсь их разговорить, да и из столицы, из крупных столичных телеканалов и газет не приехал никто. Кроме них, никого больше не интересовало ограбление провинциального магазина. И вслед за начальством съемочная группа удивилась: а действительно, зачем они здесь? Подумаешь, наркоманы выручку забрали! Тоже, преступление нашли! Да от такого преступления большинство зрителей телевизор сразу со скуки выключит!

Скучая, журналисты спросили про выручку. Начальник с удовольствием ответил: мелочь, гроши, вырученные за пиво и водку, всего пять тысяч тридцать рублей. Наркоманы девчонку-кассиршу ножом напугали, деньги из кассы выгребли и смылись, а охранника не было по недосмотру хозяина. С девчонкой все в порядке, сейчас ее валерианой отпаивают. Услышав сумму выручки, журналисты совсем заскучали и, сделав несколько дежурных кадров, быстро уехали. Снег все продолжал идти, полностью покрывая пятна крови, просочившиеся наружу, а, значит, снаружи не оставалось никаких следов. Больше журналисты не приезжали. По сво-

ей «цыганской почте» передали, очевидно, другим, что ехать нет никакого смысла. Полицейский начальник благополучно вернулся в подсобку и заперся там. А омовцев отпустили. Впрочем, подъезд к подсобке все-таки оккупировали несколько автомобилей с черными тонированными стеклами, но это уже никого не интересовало. Продуктовых магазинчиков, подобных этому, было полным-полно в каждом небольшом городке.

Городок было достаточно далеко от Москвы, и, разумеется, избалованные столичные журналисты ни за что на свете не стали бы ехать в такую даль ради какого-то дежурного ограбления.

Неказистый бетонный прямоугольник (серая коробка магазина) притулился между двумя стандартными девятиэтажками, и оттого, что был он так сжат, казался меньше размером. Продавали в нем стандартный набор продуктов для любого частного магазинчика: хлеб и колбасу, сухарики и какие-то дурацкие шоколадки, и особый упор делался на самый ходовой товар – сигареты, пиво и водку. Несмотря на то, что магазинчик работал по ночам, покупателей в него захаживало мало. Иногда ночью подгулявшие подростки покупали сигареты и спиртное, да местные алкаши захаживали за тем же самым. Покупать продукты местные жители (и даже жители близлежащих девятиэтажек) предпочитали в других местах. В маленьком магазинчике продукты были не совсем свежие, плохие по качеству, да и стоили безумно дорого (по-

что со столичной наценкой, хотя между маленьким магазинчиком и столичным супермаркетом не было ничего общего).

За кассой сидела раскрашенная девица с нелепой прической, полной рыжих перьев. Девица мнила себя кинозвездой и не снисходила к простым смертным, покупающим у нее сигареты. К тому же почти всегда она читала яркий иллюстрированный журнал, пестрящий новинками косметики и сплетнями о кинозвездах. В городке девицу знали и не жаловали. Знали, что при каждой возможности старалась удрать в Москву, но за неимением средств была вынуждена зарабатывать их в магазинчике. Поговаривали, что она спит с хозяином, а потому хозяин закрывает глаза на грубость покупателям, и на другие ее выходки. Иногда к ней захаживали в гости такие же разукрашенные подружки, точно так же все время пропадающие в Москве и снова возвращающиеся обратно. Словом, в магазинчике не было ничего интересного. Фасад прямоугольника украшала синяя металлическая дверь с вывеской «ПРОДТОВАРЫ», и два длинных, но узких окна, забранных металлическими решетками. Окна доходили почти до земли, а в непогоду на них опускали роллеты.

Фасадом магазинчик выходил на улицу, но несколько отступал от нее – ко входу вела бетонная дорожка средних размеров, вдоль которой росли чахлые кусты какой-то неприглядной зелени. С внутренней стороны магазина (выходящей к домам) была дверь служебного входа, и автомобильный подъезд через двор. Именно через эту дверь в магазин

завозили продукты.

Девушка с рыжими волосами не всегда заседала в магазине. Было у нее несколько сменщиков (в том числе и какой-то студент ветеринарного техникума), но на них никто внимания почему-то не обращал. Может быть, потому, что вели они себя не столь агрессивно. По ночам входную дверь с фасада запирали, но в ней было окно: покупатель мог постучать, окошко отворялось, и ему выносили все, что было нужно. По ночам над служебной дверью загоралась небольшая лампочка, а вот окно подсобки, выходящее во дворик, почти всегда было темно. Подсобка представляла собой ледяную (в ней не было отопления) комнату без мебели, с голыми белыми стенами. В ней сваливали пустые ящики, и находиться там никому не хотелось. Наверняка девушка с претензиями кинозвезды даже не заходила туда, но, несмотря на это, труп ее нашли именно там, причем части ее трупа были аккуратно разложены по пустым ящикам.

На заднем дворике (рядом со служебным входом) жался неуклюжий подросток (чем-то напоминающий цаплю) в компании местного участкового. Подросток крутил головой по сторонам (в тщетных попытках сбежать), а участковый курил дешевую сигарету и время от времени сплевывал на снег. Наконец нервозность подростка вывела из себя участкового, и, сплюнув в очередной раз, участковый окрысился: – Да че ты елозишь?! Все равно влип, парень!

Он хотел еще что-то сказать, но в это время дверь служеб-

ного входа отворилась и их позвали внутрь.

6

В помещении магазина ярко горел свет, и, несмотря на то, что трупы уже увезли, подросток все равно зажмурился. Разговаривали с ним вежливо, двое в штатском, весьма солидного вида. От обоих за версту несло всеми запахами прошлого известного КГБ. Подростка попросили снова рассказать свою историю, но он принялся так нервничать и заикаться, что даже первой фразы не смог довести до конца. Один из начальников в штатском (судя по тому, как держались с ними простые полицейские из отделения и даже из опергруппы, оба они были какими-то большими начальниками) был вынужден перебить его и начать задавать вопросы. Успокоившись, парень принялся доводить фразы до логического конца.

– Значит, была половина второго ночи?

– Не-а. Минут двадцать второго.

– И у вас закончились сигареты?

– Ага. И еще водка. А я самый трезвый был. Серый и говорит... – парень сбился и нервно засопел.

– Что сказал Серый? Да ты не волнуйся: день рождения друга – весомый повод, мы же все понимаем!

– Ага, конечно, – парень приободрился (старший начальник явно был хорошим психологом), – ну, Серый и говорит – сбегай, мол, в магазин, тут рядом... Он по ночам работает.

Мы всегда, если что надо, в нем покупаем.

– А ты всегда заходил в этот магазин тоже?

– Нет. Раньше, когда я здесь жил, ха покупками мама всегда ходила, а теперь я только на каникулы приехал...

Документы парня уже проверили и личность его тайком «прощелкали» на компьютере: выходило, что парень не врал. Он действительно учился в Москве, в МАДИ (автомобильно-дорожном институте). И в родной городок действительно приехал на каникулы: перед Новым годом.

– Значит, ты ничего тут не покупал?

– Да я и не видел, что тут магазин! На улице прошел бы мимо. Мне Серый из окна его показал!

– Так. А ты что?

– Ну, я собрал у всех деньги и пошел.

– Через двор?

– Нет. Сразу выгреб... то есть вышел на улицу, а потом по дорожке подошел к входу. Лампочка там горела, над входом.

– И что ты увидел?

– Я увидел, что с окна что-то капает. Как вода, вроде. Думал. Трубу прорвало, вот и течет. А потом вдруг подумал...

– Что подумал?

– Ну, я подумал: не будет из трубы долго капать при минус 10! Замерзнет вода, понимаете? И я подошел посмотреть...

– И что ты увидел?

– Ну. Я увидел, что краска капает...

– Краска?

– Сначала я подумал, что это краска. Банку с краской кто-то разбил. Красное на снегу было. Много красного.

– Что ты сделал потом?

– В дверь постучал. Прямо в стекло. Громко.

– И что?

– Мне никто не открыл. И не ответил.

– Сколько раз ты стучал?

– Три, вроде. С перерывами. Постучу – и жду, постучу – и жду...

– А потом?

– Когда на третий раз никто не ответил, я в окно решил заглянуть, через решетку. Там, где я про краску подумал... что банку с краской разбили под коном...

– И что ты увидел?

Парень вдруг замолчал, растерянно хлопая ресницами. Потом тяжело вздохнул.

– Да ты не волнуйся так! Успокойся. Поверь, мы все понимаем, что тебе страшно и тяжело.... Но ты ведь мужчина, ты должен взять себя в руки. И помочь следствию найти тех. Кто это сделал. Ты ведь хочешь, чтобы их нашли?

– Хочу, конечно...

– Тогда постарайся взять себя в руки!

– Ладно.

– Так что ты увидел?

– Человека. Он лежал на спине. Ноги его были широко раскинуты в стороны, а голова почти вплотную придвинута

к щели в окне... У него было разрезано горло, и оттуда текла кровь, потоком... И капала вниз, на снег.

– Опиши этого человека.

– Мужчина, молодой. Лет 40. Лицо мне не было знакомо. Он был в черных брюках, зимних ботинках на толстой подошве. Кажется, коричневых. Еще на нем был серый свитер. Местами серый, возле пояса, на груди он весь промок от крови и стал темным, будто слипшимся....

– На мужчине была верхняя одежда?

– Нет. только брюки и свитер. И еще ботинки.

– Ты никогда его не видел?

– Нет. Никогда. Я бы узнал. Лицо можно было рассмотреть.

– Какого цвета были у него волосы?

– Не помню... Темные, кажется. Черные. Или каштановые.

– Что ты сделал дальше?

– Когда я все это увидел, я сильно перепугался... отскочил от окна...

– Значит, что в глубине помещения, ты не видел?

– Нет. я видел только труп женщины. И больше ничего. Еще, конечно, кровь под окном....

– И что же ты сделал?

– Вернуться обратно я, конечно, уже не мог... И я помчался по улице к отделению милиции.

– А почему ты не захотел позвонить?

– откуда позвонить? Мобильный я оставил дома, у мамы, да еще его отключил, а возвращаться в квартиру к другу не хотел.... Страшно было. Да и боялся, что мне не поверят.

– А ты сам себе верил?

– Ну, я увидел, что человека убили. Потому так и перепугался.

– Так. Рассказывай дальше.

– А дальше он действительно в отделение прибежал, весь взмыленный, – вдруг вступил участковый, – я в ту ночь дежурил, так что не врет парнишка!

Оба посмотрели на участкового с ярко выраженным «а тебя никто не спрашивает!», но вслух ничего не сказали.

– Он со мной пошел, – сказал парень, – мы подошли к магазину, а я в окно ему показал. Потом я снаружи остался, а он сразу стал звонить....

– Связался, с кем следует! – вновь вставил участковый.

– Вы знали девушку, которая здесь работала?

– Какую девушку? – парень вдруг сильно смутился.

– Балинову Алену Николаевну. Она работала здесь продавщицей.

– Знал, когда-то. Мы с ней в одной школе учились.

– Встречались?

– Да вы что? Она на меня и смотреть не хотела! За ней такие кадры ходили... В Москву на иномарках возили...

– Значит, она встречалась со старшими мужчинами?

– Да не знаю я ничего! Спросите лучше у ее подруг!

– А вы знали номер ее мобильного телефона?

– Нет. С чего бы?

– А почему она на своем телефоне пропускала все вызовы с вашего?

– Откуда я знаю? У нее спросите!

– Вы ей часто звонили?

– Да никогда я ей не звонил!

– И два дня назад тоже? Когда она пропустила несколько ваших вызовов?

– Ну... может, когда-то и звонил... не помню...

– Вам знакомо имя Литвиненко Лариса Васильевна?

– Нет. Первый раз слышу!

– А имя Лора?

– Лор очень много! Ну и что с того?

– Алена Балинова рассказывала вам когда-то о своей подруге Лоре?

– Да не помню я! С чего вдруг я должен помнить?

– Ваш друг не приглашал Алену Балинову на свой день рождения?

– Вы что, смеетесь? Она бы в жизни не пришла! Она нас всех тут ни во что не ставила!

– Даже вас?

– Меня особенно!

– Вы знали, зачем она ездит в Москву?

– Ну, ходили разные слухи...

– Какие именно?

– Всех не знаю, но я лично слышал, что она ходила в какую-то школу моделей и развозила свои данные в модельные агентства. Это одни так говорили. А другие говорили, что она проходила кастинги в сериалы и развозила свои фотки по студиям. Ну, когда актеров в какой-то сериал подбирают, разных людей просматривают... кастинг называется. Вот она и ездила на кастинги... Ходила на прослушивания...

– Успешно?

– Нет, конечно! Если б успешно, все бы здесь знали!

– Скажите, у вас есть девушка?

– При чем тут это?

– Вы с кем-то встречаетесь? Может, с однокурсницей?

Студенткой из общежития?

– Нет. Ни с кем.

– А почему?

– Мне никто не нравится!

– Вы ни с кем не хотели встречаться, так?

– Я не понимаю, при чем тут это?

– А Алена Балинова встречалась с вами в Москве?

– Где?

– Когда она приезжала в Москву, она с вами встречалась?

– Да у нее времени не было! Она же ходила по всем агентствам!

– Вместе с Лорой?

– Нет, у Лоры она только жила. Подождите... Я что-то не то говорю! Что вы от меня хотите?

– Ничего. Абсолютно!

– Значит, я могу идти домой? Я и так уже рассказал все, что знал!

– Нет. Боюсь, вам придется проехать с нами в Москву.

– Зачем это?

По незаметному знаку один из полицейских в форме взял парня под локоток, и, уговаривая успокоиться, повел к выходу.

– Зря вы так, – сказал участковый, – хороший ведь паренек. Не мог он это сделать!

На него посмотрели, как на пустое место, и даже не удостоили ответом.

Когда опергруппа, приехавшая по вызову, взломала дверь в магазин, там обнаружили просто чудовищную картину. настолько жуткую, что по специальному распоряжению было приказано держать все в тайне, чтобы избежать нелепых домыслов и слухов.

У окна лежал мужчина с перерезанным горлом. За прилавком магазина обнаружили труп молодой девушки. Ее задушили. И не только задушили... после смерти убийца срезал у нее волосы и затолкал их ей в рот, а потом – отрезал кончики пальцев и аккуратно выложил их на поверхности прилавка (все десять в страшный ряд). А в подсобке обнаружили труп продавщицы, Алены Балиновой – вернее, то, что от нее осталось. Труп девушки расчленили, разрезали на куски, и в каждый ящик положили кусок... В углу комнаты

лежал длинный, остро заточенный нож для резки колбасы, взятый с прилавка. Им и произвели эту жуткую операцию.

В небольшой комнатке за магазином (уютной, с мебелью и электрокамином. Там висела верхняя одежда людей, был приготовлен электрочайник с водой и бутерброды с сыром) нашли одежду и вещи убитых. Сумочки девушек. Личность девушек удалось установить. Это были Алена Балинова, местная жительница, работающая в магазине продавщицей. Лариса Литвиненко, нигде не работающая москвичка (близкая подруга Балиновой). Мужчина оставался пока не опознан. Но о нем можно было сказать только то, что он не был местным жителем, а приехал с Ларисой Литвиненко из Москвы. Одежда мужчины была новой и достаточно дорогой даже для среднего класса. К тому же, вещи производили впечатление полностью новых – как будто и одел-то он их в первый раз.

Странное это было впечатление: вырядился человек в дорогие вещи с иголки и отправился в маленький городок! К тому же, отправился в компании весьма сомнительной девицы – не второй, и даже не третьей свежести, а такой (как в народе говорят) «что пробы ставить негде». Бутерброды в комнате за магазином выглядели очень мило, но главным атрибутом все-таки являлась постель – разобранный двуспальный диван, вместо простыни накрытый грязным и рваным пледом. И был плед этот скомкан так характерно, что не оставалось ни малейших сомнений относительно про-

исходящего на диване еще несколько часов назад. Но самым главным (и больше всего интересующим следствие) вопросом был такой: на чем приехали эти двое? Электричкой? Не смешно! Мужчина, покупающий себе дубленку за 5 тысяч евро (а именно такая цена стояла на чеке, который даже не сняли с дубленки) в электричках не ездит. На автобусе? Тоже весьма сомнительно! К тому же, последний рейсовый автобус приезжал в городок в 6 вечера, а приезжие появились позже восьми. Почему позже восьми? Потому, что Балинова заступила на смену в 7 вечера, это показал хозяин, срочно вызванный в магазин. Значит, приезжие появились только после восьми. Машины не было. Возле магазина (и с фасадной, и с внутренней стороны) не находилось никаких машин. Оставалось два средства передвижения: частная машина – мужчину с подружкой мог подвезти кто-то из знакомых. И такси. Но такси из Москвы стоило баснословно дорого – что, в принципе, соответствовало стоимости вещи мужчины. Возможно, у него были деньги, и он мог позволить себе такси.

Спешно вызванный в магазинчик хозяин (он был понят с постели прямо на рассвете) не мог показать ничего определенного. Это был самый обыкновенный мужчина лет 40-45-ти. Таких ничем не выделяют в толпе и в маленьких городках они водятся тысячами. У него был широкоскулое лицо и ранняя лысина. Судя по документам, он был бывшим военным. О Балиновой не мог рассказать никаких подробно-

стей. Работала она у него несколько лет, и на нее часто жаловались, но, несмотря на жалобы, увольнять ее он не соби-рался – потому, что она никогда не своровала даже копей-ки, а по нынешним временам это редкость. Другие продав-цы воровали просто безбожно. Жила Балинова одна: отец ее умер несколько лет назад, а мать находилась на заработках в Италии, работала там няней. Он знал, что мечтает она о лучшей жизни и часто ездит в Москву. Но ездила она в свои выходные, а зачем ездила – он не знал, а она подробности не рассказывала. Несколько лет назад, когда Балинова только поступила к нему на работу, у них была короткая связь (так, переспали несколько раз). Но связь эта давно закончилась и больше никогда не возобновлялась.

По словам хозяина, Балинова его бросила, дав понять, что, кроме него, есть мужчины и поинтересней, а он не настаивал – потому, что у нее был плохой характер, она выдви-гала большие требования и вечно хотела денег, а он боялся, что обо всем узнает жена. Расстались они мирно – Балинова устраивала его как сотрудница, да и только. Знал ли он дру-гих ее любовников? Нет, не знал. Да и друзей не знал тоже. Она никогда не рассказывала, с кем дружит и у кого останав-ливается в Москве. Вообще была не очень разговорчивой, и в объяснения своей жизни не пускалась. Скрытная была, и близко к себе не подпускала людей. Знал ли он о том, что по ночам на работе у нее бывают гости? Нет, конечно! Он бы никогда такого не позволил! Мало ли что за люди и какие от

них могут быть неприятности?

Он впервые узнал о том, что к Алене кто-то пришел на работу – такого почти никогда не было, или он об этом не знал. Но, если бы подобное уже случилось, ему бы рассказали – городок-то маленький. А раз слухи не доходили – значит, не было. Почему не держал в магазине охранника? А зачем? Никогда никаких неприятностей не случилось, городок маленький, мирный, опасаться в нем некого. Правда, еще месяца три назад был у него охранник, но он его прогнал – потому, что тот слишком много пил и воровал спиртное. А после увольнения охранника никого не брал на его место – решил сэкономить на ставке. Тем более, что все было тихо и очень мирно. Кто убил этих людей? Он понятия не имеет, но все это ужасно! И Бог знает, как это жуткое происшествие ударит по его делам. Словом, из рассказа хозяина невозможно было почерпнуть никакой информации, и, подержав некоторое время, его отпустили.

Мальчишку посадили в темную машину и быстро куда-то увезли. Несмотря на то, что на него никто не обращал никакого внимания, участковый решительно выступил вперед.

– Зря вы так! – он говорил громко и укоризненно, – не убивал мальчишка! Точно не убивал!

На эти слова снова никто не ответил. Участковый заметно расстроился.

– Я здесь не один год служу. Всех пацанов сельских знаю. Все они на моих глазах выросли. И этого парня знаю тоже очень хорошо. Есть тут такие, по которым тюрьма плачет – и ограбить, и прибить могут, и колются, и вещи у родителей воруют. Всякого насмотреться можно! А этот парень хороший. Умный. Не такой, как здешние... Совсем. Он и не пил даже. Сами видели – совсем трезвый. К знаниям стремился. А то, что шалавой этой увлекся, Балиновой, так чего только не бывает в 18 лет! В 18 лет мальчишке любая девка красивая, даже шалава последняя. А эта Балинова той еще была шалавой! Я и про нее знаю все в точности. Знаю, что проституцией занималась, затем и ездила в Москву. В городке о ней ходила паршивая слава, и все мужики это знали, абсолютно все! Но одно дело – первая любовь, увлечение, а совсем другое – ради этого идти в тюрьму! Не способен на это парнишка! Да еще троих сразу! Весь город знал, что он стра-

дал за ней молча, потому и уехал в Москву.

– Ну и что же тут не сходится? – обернулся старший из «начальственных» двоих, – по-моему, все как раз до предела ясно!

Тон его был очень любезен, и у участкового от удивления распахнулись глаза.

– Сами подумайте, и вам все станет ясно. Мальчик был влюблен в эту продавщицу много времени. Еще в школе влюбился. Потом уехал ради нее пробиваться в Москве. А тут, выпив на дне рождения друга, он случайно подошел к магазину. И, возможно, увидел ее с мужчиной. Да еще с мужчиной, которого привезла к ней подруга. Кровь его взыграла, спиртное ударило в голову, он ворвался внутрь и расправился со всеми... А виновницу своей ненависти изощрено разрезал на куски! Еще пару лет, и из вашего замечательного мальчика получился бы потенциальный маньяк, да еще из самых опасных! И сколько бы людей погубил! Так что сами видите: дело из простеньких, и надо его закрывать. Не думаю, что в нем могут возникнуть какие-то сложности!

– Но как же...

– По-моему, все ясно до предела! Не о чем и говорить.

Старший замолчал. Но в разговор более резко вступил второй:

– Вас что, на работе не ждут? Вы где утром должны быть?

Бедный участковый совсем растерялся от такой смены настроений.

– Вот и идите! Вас местные дела ждут. Идите отсюда! Здесь нам и так зевак хватает!

И буквально вытолкнул его за дверь, выставив из магазина в полном смысле этого слова – не красиво, но эффективно. Затем, сделав многозначительный знак своему коллеге, поманил его за собой.

В комнате (в той самой, за магазином, где была еда и диван) никто еще не убирал. Да и не собирался – потому, что не было необходимости. Тот, что был помоложе, тщательно запер за собой дверь. Старший поморщился, на лице его отразилась брезгливость.

– Ну и что я тут не видел? Зачем ты меня сюда притащил?

– Да, действительно, – молодой нервно рассмеялся, – все так и выглядит – на первый взгляд. И у тебя вполне мог возникнуть такой вопрос! Но видишь ли...

– Что – но?

– Есть одно маленькое обстоятельство. Не афишируемое...

– тут все, кажется, не афишируется! Но только я совсем не понимаю. Почему!

– Ну... это не тот случай, о котором следует говорить....

– Да никто и не будет говорить! Чего ради?

– погоди, не торопись! Ты не знаешь всего... – в тоне молодого появилось нечто такое, что заставило старшего мгновенно насторожиться и принять боевую стойку:

– Ты о чем?

– Вот... – молодой достал из кармана тоненький пластиковый прямоугольник, и протянул своему коллеге. Тот аккуратно его взял и принялся рассматривать на свет:

– Олеся Виноградова... личный допуск... ну и что?

– Ты печать видишь? В углу?

– Ну и что с того? Подумаешь...

– Ты знаешь, что она означает? Код доступа! Это означает, что человек получил этот пропуск от кого-то из окружения Виноградовой или от самой певицы... Ну вот смотри: я постараюсь объяснить более подробно. Продукт под названием «Виноградова» относится к продюсерскому центру, который возглавляется либо группой, либо одним человеком. Виноградова – широко рекламируемый и в то же время очень пустой продукт. Ее продают, как куклу, водят по различным мероприятиям. И, как правило, пресс-служба продюсерского центра рассыпает щедрой рукой сотни, тысячи ее визиток и бланков нужным людям. Но есть только часть людей, которые имеют код личного доступа и могут войти в этот продюсерский центр. Производящий продукт под названием «Виноградова». На их пропуске ставится лазерная печать. Это означает, что, предъявив такую визитку, человек с порога зайдет в продюсерский центр. А фамилия «Виноградова» означает, что дело, с которым связан получатель визитки, касается непосредственно этого продукта...

– И к чему ты клонишь?

– Как карточка с печатью, которую невозможно подделать

(потому, что только избранные знают о том, что она означает) оказалась в провинциальном магазине, у самой заурядной продавщицы?

– Что?! Где ты ее нашел?!

– А вот где! – откуда-то из-под дивана молодой извлек дешевенькую сумочку из коричневого кожзаменителя, и протянул своему коллеге, – это сумка продавщицы Алены Балиновой.

– Балиновой?! А карточка Гед была?

– В ее косметичке!

Старший вытряхнул содержимое сумки на диван. Паспорт на фамилию Балинова. Дешевый смартфон в потертом футляре. Грязный носовой платок. Начатая пачка бумажных салфеток. Запечатанная упаковка презервативов. Кошелек, в нем 154 рубля и копейки. Билет на электричку до Москвы (датированный тремя днями назад). Косметичка, в ней расческа, зеркальце, дешевая помада, тушь для ресниц и маленький пластиковый кулечек...

– В этом кульке и лежала карточка! – пояснил молодой.

– Это невероятно! Украла где-то?

– Не похоже. Если украла, зачем бы стала держать с такой аккуратностью?

– Вы проверили ее мобильный телефон?

– Проверили. Ничего особого – телефоны двух – трех подруг. Список пропущенных – там номер мобильного арестованного парня. И все. Почти вся информация стерта. И о

входящих, и об исходящих звонках. А SMS-ок вообще нет.

– Это странно.

– Очень. Но это доказывает, что карточка действительно могла принадлежать ей.

– Такой дешевой девице?

– Кто знает?

Старший задумчиво повертел карточку в руках. Молодой сказал:

– Теперь вы понимаете, насколько это серьезно? Придется затронуть особых людей....

– она проститутка? Числится в картотеке? Ее прощелкали? Задерживали хоть раз? – с надеждой спросил старший.

– Нет. я уже проверил. Ее прощелкали по компьютеру. Нет, за проституцию ее не задерживали и в картотеке она не числится.

– Это плохо.

– Разумеется. Но что поделаешь...

Старший вернул карточку молодому, и тот тщательно спрятал ее в карман.

– Я думаю, можно попробовать, – пожал плечами старший, – вряд ли что-то получится, но ты попробуй!

– Я аккуратно! Как всегда.

– Я знаю. Но... но он подумает, что мы просто вымогаем деньги.

– Это уже его проблемы, что он подумает!

– Мне бы не хотелось идти на конфликт.

– А конфликта не будет. Он скажет, что девица украла карточку или подобрала на улице – вот и все.

– Зачем тогда спрашивать?

– А почему нет?

Обменявшись подозрительными взглядами, оба быстро покинули помещение.

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ 2 ИЮНЯ 2012 ГОДА

Итак, я отвлеклась. Слишком много внимания уделяю своим мыслям и чувствам. Зачем? Кроме меня самой, они все равно никому не нужны!

Итак, Ри. Когда, хлопнув дверью, Ри выскочила из этой гостиной, меня еще продолжало тошнить. Как странно меняются человеческие чувства! Я знала, что Ри звезда, что живет она богато в Москве, но я даже не думала, что роскошь ее гостиной буквально собьет меня с ног (как ударом по голове). Не думала, что все это так выглядит... Я такого и не видела никогда! Но стоило мне побыть в этой роскоши чуть дольше, чем 15 минут, и навязчивая роскошь этой крикливой обстановки стала ужасно действовать мне на нервы! Как будто я попала в роскошно убранный саркофаг! К тому же, ее квартира показалась мне ужасно холодной... не в смысле температуры, разумеется! А в том, что... Даже не знаю, как это правильно объяснить. Ну, как будто живут в ней какие-то искусственные люди, такие же искусственные, как части декораций этой обстановки... Словом, не настоящие. Квартира – как декорация в театре. Не по-настоящему! Не знаю. Чувшь, наверное. Но в тот момент я вдруг стала чувствовать себя, как в театре, в первом ряду. Как будто я

сiju в зрительном зале, а передо мной разыгрывается пьеса, смысла которой я пока не могу понять. Не знаю... Глупость, конечно... Но мне вдруг показалось, что Марина чувствует себя в этих апартаментах так же скованно, как и я! Хотя в комнате ее в тот момент не было. Я была одна. Справившись с приступом тошноты (вот уж правду говорят: богатый никогда не поймет бедного! И кусок хлеба голодный человек может получить от бедняка, и не от богача), я задумалась, как вдруг услышала нечто очень странное.

Громкие голоса. Потом истерический женский визг – до невозможности вульгарный и неприятный! И вдруг поняла, что это вопит моя сестра. Аккомпанировал ей мужской голос – но гораздо тише, так, что слов нельзя было разобрать. Потом вновь – ее визг, и так много слов, что они слились все в один поток! Мне стало страшно. В этот момент раздался грохот: как будто посуду били об пол. Действительно, это был звук разбитого стекла. Стыдно признаться, но в тот момент я подумала, что Марина меня выгонит. Я плохо помнила ее характер, но то, что увидела... А, что душой-то кривить: то, что я увидела. Мне здорово не понравилось! Я не думала, что она стала такой... Но не успела я задуматься о странностях моей сестры, как дверь распахнулась и в гостиную пулей влетела Марина. Она... улыбалась!

– Так, все, едем! Ты готова? – Марина заметалась по комнате, на ходу запихивая какие-то вещи в огромную черную сумку. Действия ее мне показались бессмысленными: в сум-

ку она бросала самые разные, абсолютно не сочетаемые между собой вещи... Например: сапоги на огромной шпильке. И цветную майку-топ. Набор косметики и полупустой тюбик крема, зонтик (несмотря на то, что был жаркий солнечный день, без единой тучи на горизонте) и пепельницу, шкатулку со слоном на крышке и черную кружевную комбинацию... Поймав мой удивленный взгляд, буркнула себе под нос:

– Съёмки у меня сегодня! Съёмки, понятно? Переодеваться буду! Остальное – декорации! – и добавила невероятно зло, – что глаза вылупила?! Не знала, что звезды в клипах снимаются? Или ты думала, что я трусами на базаре торгую?!

В словах ее было столько злости (а улыбка исчезла с лица так, как будто ее никогда и не было), что я не выдержала:

– Марина, извини, если я не вовремя...

– Да, ты очень не вовремя! Ну и что с того? Не выбрасывать же мне тебя на улицу? В конце концов, ты моя родная сестра!

Выбрасывать на улицу... Значит, она об этом все-таки думала! Я поразилась собственной интуиции. Похоже, мне надо будет следить за каждым ее шагом по отношению ко мне! Моя сестра производит печальное впечатление сумасбродки... И законченной эгоистки. Ее черная сумка растянулась, как чемодан.

– Все, закончила. Может ехать.

– Ты так и поедешь? – я не выдержала.

– Черт, забыла! Из головы все к черту вылетело! – Марина

пулей метнулась в другую комнату и через секунду вылетела обратно, на ходу натягивая на себя черные джинсы и какую-то вытертую серую футболку, прямо на моих глазах превращаясь в форменное пугало (плюс остатки прежней косметики на лице, которые она не потрудилась снять). Я помнила, что она собиралась привести себя в порядок, но если это она называла порядком...

– Может ехать, – и, подчиняясь ее невозможной энергии, вслед за ней я вышла из квартиры. В дверях я спросила:

– Мне не следует попрощаться с твоим мужем?

Марина злобно посмотрела на меня из-под насупленных бровей:

– Успеешь! – и процедила что-то сквозь зубы, напоминающее очень грязное ругательство (но я не уверена).

Мы вышли на оживленную улицу, немного пугающую меня своими размерами (высотой домов и потоком машин).

– Куда мы едем? – мне хотелось взять Марину за руку, но я не осмелилась.

– Ко мне! – отрезала она.

– К тебе? Как это?

– В мою квартиру!

– Разве ты живешь не здесь?

– Здесь, там... Какая тебе разница! Ты задаешь слишком много вопросов, к тому же, невероятно глупых!

Мне мои вопросы совсем не казались глупыми, но я промолчала.

– Мы на машине поедem? – спросила, когда молчание слишком затянулось (а мы уже минут пять неподвижно стояли на одном месте).

– Нет, на метро! – злобно окрысилась моя сестра. Воистину, с ней ни о чем было невозможно говорить! Я была просто не способна ее понимать, и чувствовала, что все вместе начинает вгонять меня в депрессию (в конце концов, я оказалась далеко от дома, в абсолютно чужом городе и, как выяснилось, оказалась совершенно одна). Прошло минут десять. Мы всё стояли на перекрестке. Марина заметно нервничала, и от злости выглядела еще хуже. Наконец из потока машин выделился большой красный автомобиль, и направился напрямиком к нам. За рулем был молодой парень. Марина набросилась на него:

– Что так долго?! Сколько можно тебя ждать?!

– Пробки! – парень безразлично пожал плечами. Мы уселись внутрь, и Марина произнесла нечто совершенно невообразимое:

– В квартиру!

Машина резко сорвалась с места, и вскоре растворилась в блестящем потоке других машин».

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ 13 ЯНВАРЯ 2013 ГОДА

«Сегодня со мной произошел отвратительный эпизод. Настолько мерзкий, что весь день оказался испорченным. Наверное, и думать об этом не стоит, но... Так уж по-идиотски я устроена! Как будто мало мне неприятностей в агентстве и двух пропущенных кастингов! Марине ничего говорить не буду. Ну ее к черту! Ри в последнее время и так как с цепи сорвалась, не стоит добавлять ей мои неприятные истории. К тому же поступила бы она точно так же! В этом я твердо уверена.

Сегодня я ударила человека. Мало того, что ударила... Сбила с ног. Отвратительно, конечно, но что поделаешь. Ну нет во мне жалости, нет ее, откуда же ей взяться, если и следы ее уже уничтожены! И Ри такая же, между прочим! А всех жалеть – жизни не хватит! И вообще я никого не обязана кормить! Каждый пусть сам себя кормит, ни за кого я отвечать не собираюсь. Плевать мне на всех! Мир такой жестокий, что нужно жить только для себя. А началось все, как всегда.

Утром Инга позвонила мне на мобильный (я только-только в себя после ночи стала приходиться!) и сказала, что в одном казино намечается частная вечеринка, будет много крутых

пишек, известных политиков, и на агентство пришел заказ. Но, так как выбирает менеджер приватзала (как всегда), желательно, не теряя времени, поехать и договориться только с ним. Договориться – уж как смогу! Некоторые в офисе ему дают, некоторые платят... Ну, я его знала. С этой свинюшкой мне уже приходилось сталкиваться. Я не опускалась никогда до того, чтобы трахаться с этой грязной свиньей прямо на офисном столе (я не дешевка!) и договориться с ним могла совсем другим способом. Несколько купюр (с соответствующим количеством нулей) вполне достаточно! Ну, я соскребла себя с постели, порылась в шкафу у Ри (вернее, в ее несгораемом ящике, который она наивно считает сейфом... Если заметит – да пошла она к черту!), кое-как влезла под душ... Потом подмазалась, оделась и поехала (слава Богу, хоть догадалась не ставить машину в гараж, а оставила прямо возле подъезда).

Клуб располагался на Арбате. Был полдень, и припарковаться там было практически невозможно! Поэтому я оставила машину в каком-то закоулке рядом, и пошла пешком (достаточное расстояние, надо сказать!). Когда я вышла из машины и пошла вперед, я вдруг увидела, что следом за мною тащится цыганка. Молодая тощая цыганка в пестрых юбках (самая обыкновенная – таких можно встретить на любом вокзале, возле любого перехода или входа в метро). Уже на ходу она принялась клянчить:

– Эй, милая, на минутку, можно тебя... Сказать кое-что

тебе скажу... Эй, про любимого всю правду тебе расскажу, девушка... – и так далее, самый обыкновенный цыганский набор.

Из-за будущей встречи с грязной свиньей – менеджером настроение мое было более. Чем плохим! Злость прямо поднималась волнами! В тот момент я просто ненавидела весь белый свет! А тут еще привязалась эта цыганка... Я чувствовала себя так, что, дали бы мне ядерную бомбу в тот момент, я с радостью сбросила бы ее на Москву! Цыганка не отставала. Ее нытье действовало мне на нервы. Пару раз я бросила ей через плечо:

– Пошла прочь!

Но цыганка не отвязывалась:

– Эй, девушка, послушай, что тебе скажу...

Я уже шла по Арбату, и она все время плелась за мной. Увидев, что я направляюсь к клубу, цыганка обнаглела и стала хватать меня за руки:

– Да хоть десять копеек дай!

Я вырывалась, ругала ее, но все было бесполезно. В тот момент я вдруг увидела машину. На стоянке. Это была машина одной из девушек агентства. Такой грязной и подлой шлюхи, что... Я поняла. Зачем она приехала сюда! По той же причине, что и я! Точно за этим! Унижаться, кланчить место в списке (точно так же, как эта цыганка!). Значит, я ничуть не лучше этой грязной дешевки из агентства, такая же, как она... Как низко я упала... Горечь поднялась волной, от жа-

лости к себе я почти не могла дышать, а тут цыганка снова уцепилась за руку... дальше не помню, как это произошло... Просто в тот момент я вдруг подумала, что сделаю что-то ужасное, совсем мне не свойственное, наверное, грязное... Это было отвратительно, но... Но я размахнулась и ударила цыганку кулаком в лицо. Ударила с такой силой, что та упала. Она опешила, явно этого не ожидая. У нее вдруг стало такое жуткое лицо... Я готова была провалиться сквозь землю! Кроме того, этот кошмар видело очень много людей. Некоторые даже специально останавливались... Из казино тоже кто-то вышел... Я думала, что она меня проклянет, как-то обругает или ударил в ответ, но цыганка, поднявшись на ноги и вытирая из разбитой губы кровь (я разбила ей губу), вдруг сказала:

– Дура ты! Какая же ты дура! Жизнь тебя еще сильнее ударит! Так ударит, что я бы с тобой местами не поменялась! Над тобой беда такой силы и черноты, что... А, что с дурой говорить! Ты бы лучше не в бордель шла, а в церковь, дура! Ведь погибнешь!

Потом засмеялась таким странным смехом, что у меня волосы на голове чуть не поднялись дыбом, и быстро пошла прочь. Мне хотелось кричать. Я едва не бросилась ей вслед, чтобы остановить, дать денег (что ли), спросить, что она имела в виду. О чем... Из моих глаз вдруг брызнули слезы, и вместо того, чтобы бежать за цыганкой, я бросилась в казино, ворвалась через главный вход в таком жутком виде...

дура, точно! Что она имела в виду? Прокляла? На проклятие слова ее не были похожи... Но все-таки... О чем она говорила, о чем?! Я, конечно, не верю во всю эту ерунду. Но все же... Хотя, скорей всего, цыганка просто отомстила мне, отомстила по-своему (и, между прочим, была совершенно права!), а в словах ее не содержалось ничего страшного, и я просто напрасно взяла их в голову. А, если подумать и дольше (полностью успокоившись), то, может быть, я совершенно правильно ударила эту клянчу и воровку! Нечего к приличным людям приставать! Да, сейчас (спустя много часов, полностью придя в себя) я думаю, что поступила правильно, и ничего страшного не случилось! Ни произошло ничего страшного, абсолютно! В другой раз она точно ко мне не подойдет! РИ ничего не буду говорить об этом. Иначе она просто подымет меня на смех!»

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ 2 ИЮНЯ 2012 ГОДА

Между машинами сновал безногий калека (на какой-то тележке жуткого вида) и продавал газеты, просовывая пачку в окно каждого автомобиля. Зрелище было настолько жутким и ужасным, что я долго не могла прийти в себя! Я хотела бы помочь ему хоть чем-то (хоть чем угодно), но что я могла? Все в душе замерло от жалости, и, казалось, еще немного, и из глаз моих брызнут слезы! Но больше всего меня поразило другое: то, что никто не воспринимал это зрелище так остро, как я. У всех вокруг были абсолютно равнодушные лица. И у Марины, и у шофера, и у водителей других машин. Как будто несчастный калека, вынужденный продавать газеты между машинами, рискуя в любой момент быть раздавленным, чтобы не умереть с голоду, самое обычное дело.

Неужели никого, кроме меня, не трогало жуткое зрелище этого отчаяния и нищеты? Газеты не покупали. Нищий тщетно пытался просунуть их сквозь окна дорогих машин. А потом... Потом он просунул газеты в раскрытое окно какой-то дорогой иномарки. За рулем была женщина, совсем молодая, явно до тридцати. И она сделала жуткий поступок (настолько страшный, что он просто не укладывается у меня в голове): она протянула руку и ударила калеку, отталкивая

его от машины! Несчастный упал на землю. Газеты его рассыпались. Я закричала, рванула дверцу, чтобы ему помочь... Но Марина схватила меня за руку:

– Сиди нормально, дура! Тебе что, больше всех надо?

Несчастный уже собрал свои газеты и быстро уехал на тележке своей прочь. Все вокруг сидели так, как будто ничего особенного не произошло. Лицо Марины не отражало никаких эмоций. Но самым ужасным было другое: ни на одном лице окружающих нас людей я не увидела даже тени возмущения, как будто такой низкий и подлый поступок был самым обычным делом. Мне захотелось обругать эту женщину, ударить ее в ответ... Может быть, хоть как-то пристыдить, напомнив о Боге... Но на светофоре поменялся свет, и машины двинулись вперед пестрой, блестящей лентой. И совсем скоро автомобиль той женщины полностью исчез с моих глаз.

Не знаю, что это за мир. Когда наконец-то сумела прийти в себя, из моих глаз потекли слезы... Если люди все по своей природе такие, как та женщина, то я не хотела быть человеком. Никогда, ни за что.

– Ну и чего ты расквасилась? – надулась Марина, – подумаешь! Да за этого можешь не переживать, он в месяц зарабатывает столько, сколько ты в жизни не заработаешь! Так что нечего сопли распускать!

В тот момент сестра показалась мне каким-то чудовищем. А над городом вдруг пролегла черная тень. Разумеется, я

знала, что попадаю в другой мир, но я никогда не думала, что он будет такой. Я молчала. Мне не хотелось говорить, и я вообще не знала, как говорить.... Впереди вдруг показались очень большие и очень высокие светлые дома. И Марина, обернувшись ко мне, вдруг тихо сказала:

– Мы едем в квартиру Димы.

В квартиру Димы... У Марины вдруг стало такое странное лицо, что я предпочла промолчать. Мне вдруг показалось (может, это прозвучит абсурдно и даже глупо, но это было именно так!), что она ждет от меня любого сигнала, любого слова, чтобы тут же броситься в драку. Чтобы напасть и так жестоко поквитаться за мой неожиданный приезд. Если б это выражение в ее глазах увидела мама, она назвала бы его «сигналом к бою». Но мамы здесь не было. А я всегда предпочитала называть бой дракой. Марину пыталась спровоцировать эту драку, но только вот я не понимала, почему... Ну подумаешь, Дима.

Газеты давным-давно перестали писать о Дмитриии Фалееве (еще год назад). Это только мама могла обманываться тем, что Марина просто у него работала (концертным директором, кажется). Я же всегда была уверена, что у сестры с Фалеевым роман. Особенно ясно это было в тот момент, когда Марина однажды прислала письмо и написала в нем о том, что Фалеев завещал ей свою квартиру (то есть подарил в полном смысле этого слова). Постороннему человеку дарить квартиру никто не станет, и это факт. Ну, подумаешь,

роман – и что тут такого? Может даже, смерть Фалеева стала для Марины ударом. Вполне возможно, что у нее к нему были чувства и она мечтала выйти за него замуж (вполне допускаю, что чувства были большей частью со стороны Марины – вряд ли эти кукольные марионетки, эти разукрашенные павлины со сцены способны хоть на какие-то чувства, если только эти чувства не касаются их рейтингов и гонораров). Ну и что? Совершенно нет причин, чтобы впадать в такое странное состояние – как то состояние, которое я читала на лице сестры.

Впереди появился красивый белый дом (высотный дом, как и все в этом районе) и возле одного из подъездов шофер остановил машину. Марина вытолкала меня наружу, а сама, выхватив сумку, быстро-быстро заговорила с водителем. Говорили они тихо, так, чтобы я не услышала, и мне показалось, что они ругались.

Квартира была просторной, обставленной светлой современной мебелью из стекла, металла и пластика, и совершенно не походила на ту роскошную квартиру Марины, в которой я уже была. Эти квартиры отличались друг от друга настолько, как самые непохожие люди в мире, и мне никогда бы в голову не пришло, что связующим звеном этих «непохожих миров» может быть один и тот же человек – моя сестра. Все, здесь все было другое – и мебель, и оформление, непохожие привычки, вкусы... Но, несмотря на то, что комнаты были просторные, что в них было много света и возду-

ха, интерьер этой квартиры чем-то напомнил мне больничную палату. Даже не знаю, почему... И еще: было ясно, что в квартире этой никто не жил достаточно давно. Конечно, пыли в ней не было, просто комнаты производили какое-то запущенное, не жилое впечатление, и в воздухе сильно пахло затхлостью.

Марина швырнула свою объемную сумку на какой-то пластиковый диван и первым, что сделала, стала распахивать окна – одно за одним, одно за одним... И все это – в полной тишине, не обращая на меня никакого внимания. Наконец я не выдержала:

– Что ты делаешь?!

Марина обернулась – и лицо у нее было белое, как застывшая гипсовая маска.

– В квартире должно быть много воздуха. В любое время года. А сейчас здесь духота.

– Ты и зимой, в мороз, так окна распахиваешь?

– Разумеется! Я уже привыкла.

– Не хотела бы я с тобой жить!

Она снова посмотрела на меня очень странно, но ничего не ответила. Взяв свои вещи, я пошла в спальню. Там, над широкой кроватью, висела фотография. Я едва успела ее заметить, как Марина, ворвавшись, буквально сорвала фотографию со стены... Затем выскочила из комнаты. Это был очень странный поступок, ведь я даже не успела заметить, кто на ней был! Марина вела себя не так, как обыкновенные,

нормальные люди. Но, может быть, этому есть какое-то объяснение?

Я открыла пустой шкаф. Вешалки, пустота. Явно не жилой дом. Внизу было несколько широких, удобно выдвигаемых ящичков. Я открыла один из них. На дне его было широкое масляное пятно. Я провела по дну пальцем. Похоже на машинное масло, только более темное по цвету и более густое по консистенции. Я знаю, как выглядит хорошее машинное масло – видела у Славика, к тому же он постоянно приносил какие-то приспособления и детали, вымазанные им. Интересно.

Что могли хранить в этом ящичке? Какие детали? И что понимала в деталях моя сестра? Заинтересованная, я села на пол и нагнулась над ящичком. Выдвинула его. А если вытащить его совсем и посмотреть, что находится возле стены? Я вытащила ящик. Он упал на пол я гулким стуком. Нагнувшись до предела, я вдруг увидела лоскуток какой-то светлой ткани, возле самой стены шкафа. Сверток. Сверток небольшой, с выпуклыми очертаниями. Какой-то предмет, завернутый в светлую бежевую ткань. Я протянула руку...

– Что ты здесь делаешь?!

От неожиданности я вздрогнула и больно ударила руку о шкаф. В дверях возвышалась Марина, и с ненавистью смотрела на меня.

– Ничего... я... – под ее взглядом слова застревали у меня в горе, и я не знала, что сказать... – я... я вещи свои хотела

положить, в ящик...

– Почему ты роешься в моем шкафу?! – в голосе Марины были истерические нотки, и я с тоской подумала о том, что вот она, драка – началась.

– Извини, – я быстро поднялась на ноги, чтобы быть в полной боевой готовности, – я не знала, что это будет тебе неприятно. Просто я подумала, что, если буду здесь жить, то могу положить свои вещи в шкаф. А ящик выпал, когда я стала его выдвигать. И, если честно, я сама немного перепугалась...

– А кто тебе сказал, что ты будешь здесь жить?! Кто тебе сказал, что ты будешь жить именно в этой комнате, в моей спальне?!

– Ты...

– Твое место в гостиной, а не здесь. Мало того, что ты мешаешь мне. Свалилась, как снег на голову, так ты еще и роешься в моих вещах! – подскочив ко мне, Марина схватила мою сумку и вышвырнула ее в коридор с такой ненавистью, что мне стало страшно, – вон отсюда! Убирайся! И молись, сука, чтобы я тебя вообще из квартиры не вышвырнула, насовсем! Дрянь проклятая! Стоит тебе чего-то добыться в жизни, как тебе на шею тут же сваливается куча всяких тунеядцев и бездельников, всяких там родственников, а ты изволь их кормить! Где ты была, сука, когда я тут, в этой Москве, кровью харкала, чтобы все это добыть?! А теперь явилась на все готовенькое?! Не будет этого! Дрянь ты про-

клятая! Жить будешь по моим правилам, делать то, что я скажу! А не то... я тебя, гадину, живо поставлю на место! И даже не дам денег на обратный билет!

С Мариной происходило что-то странное. Она орала так, что стекла тряслись. Лицо ее стало багровым, глаза вылезли из орбит. Губы были перекошены, а руки дрожали так сильно, что на это просто невозможно было смотреть! Мне стало страшно. Что с ней? Неужели все это потому, что я открыла какой-то там ящик?! Но в нем же ничего нет, кроме масляного пятна и сбившейся тряпки возле стены!

– Что с тобой? Что происходит? Почему ты так на меня кричишь?

Мне не стоило это говорить. Мне вообще не стоило раскрывать рта. Потому, что в тот же самый момент, как я это сказала, Марина подскочила ко мне, и, размахнувшись, ударила изо всех сил по лицу, по щеке.

Я охнула – не столько от боли, сколько от неожиданности и унижения.... Потом, прижав руку к лицу, я бросилась прочь из этой проклятой комнаты, и от этой сумасшедшей, в которой ничего не осталось от моей сестры (по крайней мере, от той сестры, образ которой я так бережно хранила в своей памяти). Упав на пластиковый диван, я рыдала без слез. Конечно, проще всего было взять и уехать. Уехать поскорее домой. Деньги на обратный билет у меня были. И меня невыносимо тянуло на вокзал! Мне хотелось уехать, хотелось больше всего на свете, но...

Но это было слишком просто. Возможно, я бы сделала так, если б не одно обстоятельство. Глаза мамы. Ни за что на свете я не смогла бы рассказать ей, во что превратилась Марина, рассказать, глядя в ее глаза. Те минуты были одними из самых страшных в моей жизни. Мне казалось, что темные воды пугающей бездны смывают меня с головой. И я сама исчезаю в этом черном потоке, растворяюсь, превращаясь неизвестно во что... Мне было страшно, нечеловечески страшно.

Закрыв руками лицо, я падала в пропасть, и никто не мог меня оттуда спасти... Время шло, и вскоре прошел первый приступ моего горя. Тем более, что в комнату никто не входил. Марина заперлась в спальне, как будто специально давая мне время прийти в себя. Первая острота приступа отчаяния прошла, и я уже смогла рассуждать логически. Глупо вот так уезжать. Конечно, Марина странная, но, возможно, у нее очень тяжелая жизнь. Я не знаю ничего про эту жизнь, но то, что начинаю узнавать, нравится мне все меньше и меньше. Марина согласилась оплатить мое обучение. Конечно. Если она не возьмет свои слова обратно. Нет, на такую подлость она не способна. В любом случае. Надо попробовать. Глупо вот так, ничего не добившись, уезжать! Я так просто не сдамся. Если она сумасшедшая, я сумею с ней справиться! Меня так просто она не возьмет! В конце концов, я ее родная сестра.

Взяв себя в руки, я пошла в коридор, забрала сумку, собрала все вывалившиеся из нее вещи. Выбирать мне не при-

ходится. В гостиной тоже ничего. Я принялась осматриваться по сторонам. Диван раскладывается, вещь временно можно держать и в стенном шкафу. Зеркало наверняка есть в ванной. Ничего. Приспособлюсь как-нибудь.

Думая так, я медленно ходила по комнате, как вдруг какой-то шорох заставил меня обернуться. В дверях, широко улыбаясь, стояла сестра.

– Извини меня, пожалуйста. Вспылила я – по глупому, конечно. Просто я пару дней тут с тобой поживу. А когда уеду, и ты останешься одна, можешь располагаться и в спальне, конечно. Как захочешь. Не сердись на меня, ладно? Жизнь у меня собачья, сама потом увидишь, какая у меня жизнь...

Ее словно подменили! Я смотрела на нее во все глаза. Теперь это был совершенно другой человек – и какой человек: милый, приятный, заботливый! Я так удивилась, что в первый момент совсем не обратила внимания на то, почему она собирается пожить здесь. Широко улыбаясь в дверях, и всем видом выражая приветливость и спокойствие, Марина сказала:

– Хочешь коньяку?

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ
НОЧЬ С 2 НА 3 ИЮНЯ 2012 ГОДА (ВЕРНЕЕ, РАССВЕТ
– 05.10).

Пишу прямо сейчас потому, что не могу спать. Сажу со своим стареньким ноутбуком на диване, при тусклом свете лампочки рядом. В гостиной, разумеется. Между прочим, очень удобный диван! Почти рассвет. А я не сомкнула глаз. Слишком много впечатлений. Слишком много, и...

А, зачем писать то, что понятно и так! Я открыла страничку, чтобы описывать отношения с сестрой, а не собственную нервозность. Марина вернулась очень поздно, ночью. Так поздно, что я думала – она уже не придет. Вечером хотела позвонить маме – но оказалось, что тут отрезан телефон. А на моем мобильнике закончились деньги.

Я только днем, после того, как Марина уехала на съемки, вышла купить какой-то еды. Но, не зная, что на мобильнике деньги закончились, не пополнила счет. Честно говоря, сразу же заблудилась. Почти час блуждала посреди каких-то новых, совершенно одинаковых домов, до тех пор, пока не нашла метро, а рядом со входом в метро – маленькие магазинчики. Накупив еды, дорогу «домой» нашла уже легче. В этой квартире есть огромная плазменная панель (на полстены).

Ожидая Марину, переключала каналы, а потом решила

лечь спать. Ночью я услышала какой-то скрежет во входной двери, и в ужасе проснулась. Это была Марина. Она возвращалась в квартиру. Включив лампу, посмотрела на часы: было ровно три часа ночи. Потом Марина появилась в дверях, и... Словом, я замерла от удивления! Она выглядела точно так, как я видела по телевизору! На ней было обтягивающее платье ярко-красного цвета с короткой юбкой (платье было сделано из какого-то странного материала, не ткани – мягкой пластмассы, что ли?). Красные сапоги-ботфорты на шпильке. Прическа, макияж – все было безупречно! Моя сестра выглядела такой красивой, что у меня аж перехватило дыхание! Королева, настоящая королева! К тому же, с такой фигурой... Просто с ума сойти! Но это было еще не все. В руках Марина держала огромный кремовый торт, покрытый шоколадной глазурью, и украшенный ягодами и взбитыми сливками. Просто сказочный какой-то торт (я таких никогда и не видела)!. Особенно фантастично выглядели белые башенки взбитых сливок. Сначала мне даже показалось, что торт искусственный. Помню, я здорово засомневалась в том, что эту красоту можно есть.

– Привет! Извини, что напугала! – сказала моя сестра, – вставай скорее и пошли есть торт.

Ничего не соображая, я выползла из постели и следом за нею поплелась на кухню. Марина уже доставала десертные тарелки с ложками, ставила чай... Торт! В три часа ночи! Да еще какой торт!

– Купила в одной итальянской кондитерской, – перехватила Марина мой взгляд, – с шоколадом и сливками, мой любимый. А вкус – вообще с ума сойти!

Марина отрезала мне огромный кусок, себе – чуть поменьше, и, даже не вздумав переодеться, принялась уплетать за обе щеки.

– У меня концерт в ночном клубе был, – сказала она с набитым ртом, – незапланированный. Узнала только на съемках.

– Разве ты не знаешь заранее о своих концертах?

– Не всегда. Иногда бывают такие случаи – нужно хватать моментально, не то упустишь!

– Что упустишь?

– Деньги, конечно! В клубах почти всегда хорошие деньги. Особенно если частная вечеринка.

– А это была частная вечеринка?

– Ага. День рождения одного депутата из Гос. Думы. И ему вдруг вздумалось меня пригласить. Валерик примчался на студию весь взмыленный. Пришлось после съемок смотаться на квартиру за вещами. А после концерта я купила торт и сразу сюда. И, как всегда, забыла сумку. Придется завтра опять туда смотаться.

– Вы что, поссорились?

– С кем я поссорилась?

– Ну... с мужем...

– Нет. С чего это ты взяла? То, что я решила здесь пару

дней побыть, еще ничего не значит. У нас у каждого своя жизнь. А с Валериком просто невозможно поссориться! К тому же, он просто гениальный продюсер. Способен из любого куска говна сделать суперзвезду! Посмотри хоть на Виноградову – ни голоса, ни фигуры, ни слуха. У нее даже музыкального слуха нет, честно! Она ни в одну ноту вообще не попадает! А поди ж ты, звезда!

– Ты не завидуешь, что он других раскручивает?

– Да ты что? Что за глупости? Чему завидовать? У меня, милая моя, вообще нет конкурентов!

– Да. Конечно...

– А Виноградова – это деньги, деньги и еще раз деньги. Только придурок откажется от денег, если они сами плывут к тебе в руки!

Разговор мне почему-то не понравился (особенно не понравилось лицо Марины – у нее вдруг стало какое-то странное, очень напряженное лицо, и я перепугалась, что мы снова поссоримся), поэтому я решила сменить тему:

– Торт просто изумительный! Ты права!

– Да. Я последний раз ела торт, наверное, лет десять назад. Ложка выпала у меня из рук:

– Как это?!

– А вот так. Ты ешь, ешь. В последний раз ешь, как перед смертью. Больше таких вкусностей в твоей жизни не будет. Захочешь добиться успеха в Москве, больше никогда в жизни есть это не будешь.

– Но почему? Разве успех – это не деньги? И разве за деньги нельзя все купить?

– Дурочка! А кто даст тебе эти деньги, если у тебя вырастет двойной подбородок, грудь обвиснет, живот округлиться, а бедра покроются целлюлитом? А потом стукнет тебе тридцать, а на твое место – сотня свеженьких семнадцатилетних, с упругими попками и ножками. Как у цапли, готовых зубами и когтями выдрать у тебя твое место! Вот тогда и не в радость станут тебе эти деньги. А может, вообще станут поперек горла. И вместо торта тебе захочется только одного – поскорей удавиться. Или кого-то удавить...

– Но я не понимаю этого! Не понимаю....

– Да, действительно, не понимаешь... Пока. А потом еще как поймешь! И будешь сидеть на рации жертв Бухенвальда, да справляться, в какой клинике ребра удаляют дешевле, чтобы талия тоньше казалась, да покупать всякую гадость и пить из подпола...

– Почему из подпола?

– Потому что гадость эта в России лицензии не имеет, ее незаконно возят, для таких вот дур, которые мозгов не имеют, только задницу. А задница, хочешь или не хочешь, после 35-ти в любом случае станет стареть и жирнеть.

– Ты говоришь чудовищные вещи!

– Нет, самые обычные. И если ты захочешь добиться успеха, и ты такой станешь.

– Не стану!

– Еще как станешь! У тебя все равно не будет другого выхода.

– Нет уж, спасибо! – я решительно отрезала себе второй кусок торта (еще больше первого), – я все-таки предпочитаю есть торт!

Откинувшись на спинку стула, Марина оглушительно расхохоталась, и я вдруг поняла, что в ней уже нет ничего от Марины, зато слишком много от этой (как ее...) – Ри.

– Не обращай на меня внимания, на старую ворчунью! Мало ли что я тебе наплету! Ты никому не позволяй задурить тебе мозги, никому, слышишь? И тогда у тебя будет еще кое-что, кроме задницы! А заднице, моя дорогая, в наши дни полцента цена!

Она решительно поднялась из-за стола.

– Все, доедай торт и отправляйся в постель! Я и так тебя сегодня замучила. А я пойду приму ванну. Надо смыть с себя поскорее все это! – и, словно пытаясь мне что-то объяснить, сделала неопределенный жест рукой.

Когда Ри исчезла за дверью ванной, я вдруг поняла, что восхищаюсь своей сестрой. По-прежнему, по-настоящему восхищаюсь! И этот торт на ночной кухне наверняка останется со мною надолго как одно из самых лучших воспоминаний. Я не знаю, что ждет меня здесь и что будет со мной, я только ясно знаю одно: именно такой она останется в моей памяти – сильной, словно бросающей вызов судьбе, с тортом, купленным мне в три часа ночи... И я буду думать об этом,

когда в очередной раз потеряюсь среди новых незнакомых домов. А может быть, я уже не потеряюсь. Никогда.

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ 11 ЯНВАРЯ 2013 ГОДА.

Эта психопатка сумасшедшая, Вероника, позвонила мне после репетиции. Звонок застал меня, когда я была в раздевалке. В раздевалке, как всегда, было душно и людно. Воняло духами, табаком и потом, а девчонки переодевались спиной к спине (январь – горячий месяц, мне уже объяснили, что здесь всегда так).

Кроме того, в раздевалке шастала какая-то тетка с опухшим лицом и плохо покрашенными рыжими космами. Она искала девчонок для стриптиза. Судя по ее виду, кабак был третьеразрядный, просто из рук вон плох! Но баба была опытной: она выискивала дурочек по наивным мордочкам и неловким движениям, и (главное) по дешевым духам! Чем ниже класс – тем хуже духи. Если нет денег, воняешься дешевой нефтью с базара. Умная баба, ничего не скажешь! Ко мне даже не подошла. Хотя подошла бы – ничего не случилось: я таких десятками в свое время отшивала! Словом, мобильник заорал в самый неподходящий момент (неподходящим я называю тот момент, когда вокруг слишком много ушей). Какое-то отребье посмело обернуться ко мне, пропищать:

– Заткни свой мобильник!

Я коротко отрезала:

– Щас тебя заткну!

Ей что-то зашептали на ушко – очевидно, объясняли, кто я такая. Да уж, лучше со мной не связываться! Я не такая дешевка, как они все тут! Эта серая масса ни в какое сравнение не идет со мной! И я даже глаз не опущу вниз, чтобы посмотреть, кто там внизу копошится! Я с этими дешевками промозглыми и не здороваюсь никогда! Пусть знают, что им рядом со мной не место! Дешевая серость! Мерзкая, любопытная биомасса! Звонила Вероника. Рядом со мной тут же раскрылось целое море серых ушей.

– Достала! – казалось, истерический голос Вероники вырывается из мобильного, как из радиоприемника (хотя, конечно, это было не так) – я достала код!

– Эй, спокойней! Я тут разговаривать сейчас не могу. Уши рядом! Позвоню тебе из машины.

– Ты что, не въехала? Слушай, что говорю! Я достала для тебя код! КОД! Понимаешь?!

Только теперь я услышала ее по-настоящему. Все в душе замерло. Я слишком долго этого ждала! Да и как ждала – врагу не пожелаешь! Но тут же инстинкт осторожности взял вверх над природными эмоциями. Не стоило показывать всем окружающим, что я слишком заинтересована в разговоре. Поэтому сухо бросила в трубку:

– Я поняла. Все, перезвоню, – и нажала кнопку отбоя.

Когда я села в машину, руки у меня тряслись.

– Вероника, господи... У тебя получилось!

– Точно! Ты мне по гроб жизни должна! Как я старалась

– как в настоящем шпионском детективе!

– Ты мне обязательно все подробно расскажешь, но только не сейчас! Сейчас скорей говори – что я должна делать?!

– Во – первых, запомни или запиши цифры: 06244579. Это твой пароль. Твой личный пароль, который будет на карточке доступа. И запомни: кроме тебя, его никто не должен знать! Хотя, если и узнают, толка не будет. Говорят, там на входе установлены специальные аппараты, которые считывают сетчатку глаза. То есть сначала ты вводишь свой личный код – пароль, потом аппарат считывает и запоминает твою сетчатку, и после этого по твоему коду уже никто не пройдет внутрь! Так что тут все чисто.

– Здорово! Действительно, как в шпионских фильмах.

– погоди, это еще не все. Когда ты встретишься со специальным человеком, который в обмен на этот пароль даст тебе электронную карту учета (это уже для того, чтобы ты перемещалась по всему зданию, а не только могла войти), тебя будут проверять некоторое время. Говорят, что это занимает примерно неделю, не больше. Ты даже знать не будешь, что тебя проверяют. Сама понимаешь – они в тебе заинтересованы.

– погоди. Что значит – будут проверять?

– Ну, твои привычки, твою кредитоспособность – сможешь ли ты заплатить. Потом твою надежность – не связана

ли ты с ментовкой или с налоговой, или (не приведи Бог!) – со спецслужбами. Потом – нет ли связи с другими фирмами, которым ты можешь продать секреты технологий...

– Что за глупости?

– Совсем не глупости! Учитывая то, как они работают, они должны себя обезопасить со всех сторон. Многие чтобы узнать их секреты готовы выложить миллионы! И они должны быть настороже всегда, в любой момент. Кстати, тебе повезло. Они новых людей просто так не берут. Тебе крупно повезло, что ты туда попадаешь! И если бы не я...

– Ладно, ценю! Что дальше?

– А дальше тебе уже расскажет тот человек, с которым ты встретишься.

– Когда будет встреча?

– Вот. Это самое главное! Снова записывай: встреча будет завтра, в полдень, на Маяковской...

– Где?

– На станции метро Маяковского! Внизу, возле стены, на платформах. В самом конце платформы, возле стены. Не волнуйся: перехода там нет, так что ты не ошибешься.

– Да ты что, смеешься? Я в метро еще не разу не была!

– Как это?

– А вот так! Ри меня возила, как только я приехала в Москву. А потом свою машину купила. Так что я никогда не была в метро. Не знаю даже, как туда заходят.

– Что ты строишь из себя ненормальную?! Или ты изде-

ваешься?!

– С чего я должна издеваться?! Разве ты не знаешь, что моя сестра – крутая звезда! Естественно, что я в метро не езжу!

– Значит, оставишь машину где-то на Тверской и спустишься на Маяковскую!

– На Тверской! Ты что, шутишь? Ты не знаешь, как там припарковаться в это время?!

– Слушай, что ты от меня хочешь?! Я устроила тебе невозможную встречу, а ты еще привередничаешь! Это же не я выбирала место встречи, а они!

– С такими ценами – и встречаться в метро!

– Ну, не знаю. Это не я выбирала. Выбирали они. В конце концов, что ты от меня хочешь? Можешь вообще не ходить! Только знай, что ты будешь последняя дура! Многие мечтают об этой встрече годами и не получают ее, а ты...

– Ладно, извини. Пойду я, пойду, разумеется! Без всяких сомнений пойду! Только ты мне скажи – это действительно того стоит? Результат как?

– Впечатляющий! Шутишь, что ли? Да после этого у тебя начнется совершенно другая жизнь! Перед тобой откроются такие перспективы – с ума можно сойти!

– И неужели многие на это решаются?

– Те, кто чего-то стоит – все!

– Ну, для меня это вопрос не стоимости, а жизни и смерти! Выхода у меня все равно нет. Только вот боюсь я...

- Не стоит! Бояться нужно того, что с тобой будет, если ты это не сделаешь!
- Как ты думаешь, а Ри через это проходила?
- Твоя сестра? Нет. Но вот бывший ее любовник, Дмитрий Фалеев, тот проходил. И поднялся после этого так, как никому не подняться!
- Так он же умер!
- Исключительно по своей дурасти! Для смерти у него не было никаких причин. Просто дурасть или трагическая ошибка. А до этого... Не обижайся, конечно, но твоей сестре такой карьеры никогда не видать.
- Значит, завтра, в полдень.
- На Маяковской. Код записала? После встречи звони! И запомни: ни одного слова своей сестре!
- Вероника, а ты?
- Проходила! А как ты думаешь, почему вдруг у меня такой контракт в Париже? Париж – это тебе не всякая ерунда, между прочим...
- Вероника закончила разговор.
- Эй, ты ехать собираешь или нет? – лысый жлоб высунулся из джипа и злобно зыркал на меня глазами. Делать было нечего: я медленно отъехала от стоянки....

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ
12 ЯНВАРЯ 2013 ГОДА, 3 ЧАСА ДНЯ.

«Здесь действительно было красиво! И как-то очень величественно. Я не видела других, но мне подумалось, что это одна из самых красивых станций метро в Москве. Сама я чувствовала себя не лучшим образом. Во-первых, меня трусило, как в ознобе. Во-вторых, я чувствовала какие-то странные мурашки на спине. Как будто пузырьки кислорода под кожей. Мерзкое, надо сказать, ощущение. В-третьих, я почему-то страшно боялась Ри. Глупо, конечно. Но что поделаешь? Мне казалось, что Ри рассердится, если узнает правду. В какой-то степени она была для меня идолом. Хоть и мерзким идолом, но достаточно важным.

К счастью, моя сестра не отличалась проницательностью, и ничего не принимала всерьез. А так как она была очень занята собой (всегда занята исключительно собой), то не могла ни о чем догадаться. Поэтому я все-таки поехала в метро. Утешала меня только одна вещь: у меня не было другого выхода. Другого способа победить просто не существовало в реальности. И это было хоть печально, но правильно.

В метро было достаточно много людей. Я прохаживалась, как цапля на своих высоких каблуках, вглядывалась в окружающие меня лица. Ничего особенного, надо сказать. Серые

такие лица! Толпа, серость. И я, посередине, чувствовала себя словно частью этой толпы. Мерзость, конечно. Возле стены, в конце платформы, в тупике, стояло достаточно много людей. Никто и не отличался особо. На мгновение меня охватила паника: а что, если я не узнаю этого человека? Но тут же сама себя успокоила. Нет, узнаю, обязательно. Не может быть иначе. Или он меня узнает, что практически одно и то же. Вдруг я увидела, что ко мне внимательно присматривается некий мужчина. Совершенно стандартный, серый тип! Лет 35–40. Фигурка щупленькая, росту среднего, на носу очки. Лысоват. Таких не отличают в толпе. Абсолютно обыкновенная личность. Но больше всего меня убил его плащ...

Это был просто чудовищный плащ мышинового серого цвета, прорезиненный и не модный, такой, как носили в самые глубокие советские времена и какой еще можно было встретить где-то в далекой провинции (к примеру, у меня на Родине). В руках мужчина держал потертый, такой же советский коричневый дипломат. Он выглядел настолько обыденно, что я растерялась. Никак не походил на преуспевающего бизнесмена. А по сравнению с той суммой, которая постоянно крутилась в моей голове, выглядел и без того нелепо. С этой суммой можно было ассоциировать любого из этой толпы, но только не его! Я взмолилась о том, чтобы я ошиблась... Но странный тип (судьба словно издевалась!) решительно направился ко мне:

– Мадемуазель, кажется, это именно с вами я договаривался о встрече!

Я чуть не охнула. К счастью, держала себя в руках. Охнуть сразу было слишком невежливо.

– Возможно, со мной.

– Значит, вы должны мне что-то назвать! Ну? Что же?

Я отбарабанила код на едином дыхании. Лицо его смягчилось:

– Прекрасно! Рад, что друзья, которые рекомендовали вас нам, не ошиблись. Итак, мы должны договориться о следующей, более важной встрече.

– Куда я должна приехать?

– О, не спешите! До этого еще далеко! Существует такой понятие, как силы природы.

– Силы природы? При чем тут это?

– Все должно быть согласовано и происходить в должное время. Все должно быть так, как следует, и никак не иначе! Давайте сначала обсудим условия. Итак, в начале вы платите десять процентов от стоимости работы. В середине нашей работы – еще сорок. И через месяц после ее окончания – остальные пятьдесят процентов!

– Почему – через месяц?

– Чтобы вы убедились в хорошем, гарантированном качестве. Чтобы вы достигли определенных результатов и смогли изменить вашу жизнь к лучшему!

– За один месяц?

– Вы удивитесь тому, как быстро получите необходимые перемены! И месяц станет для вас еще долгим сроком, вот увидите.

– Допустим. Что же дальше?

– Простите, но это еще не все! Речь идет об огромной сумме. Мы должны быть уверены, что вы в состоянии оплатить такую сумму.

– Я в состоянии, можете не сомневаться!

– Простите, но мы знаем, что вы скрываете свое решение от сестры. А гонорары ваши, хоть и высоки, но недостаточно высоки для нас.

– Мне дадут денег.

– Кто даст? Мы должны знать все! Не волнуйтесь, мы никогда не выдаем секретов тех, кто к нам обращается. Вы должны полностью доверять нам, иначе ничего не получится! Это одно из важных условий! Так кто даст вам деньги?

– Мужчина... – я назвала имя. Мой собеседник удовлетворенно кивнул:

– Да, знаем. Он полностью кредитоспособен. Он ваш любовник?

– Да. Мой любовник.

– Спасибо! Первый тест вы выдержали. Теперь остается второй.

Он раскрыл дипломат и достал оттуда длинное костяное шило и черный крошечный флакончик, выточенный из мрамора. Никогда не видела таких красивых флакончиков!

– Вы должны посвятить нам свою кровь!

– Что все это значит?! – я в ужасе отшатнулась.

– О, ничего страшного, не пугайтесь! Всего лишь еще один маленький тест. Мы будем анализировать вашу кровь при свете полной луны в пересчете на наши астрономические таблицы, и заносить в формулу определенный результат. Без этого, к сожалению, дело не сдвинется с мертвой точки. Бояться вы не должны. Все, что требуется – всего лишь уколоть ваш очаровательный пальчик этим острием, да капнуть пару капель крови в флакончик. Уверяю вас, это последняя боль, которую вы будете с нами испытывать!

Я все еще колебалась. Этот примитивный человек вдруг напугал меня до полусмерти! Я была готова ко всему, но – кровь... Сердце вдруг сжалось, а все тело обдало ледяным холодом...

– Вы не должны так нервничать! Большинство ваших подруг или коллег обращаются к бабкам, глупым доморощенным ведьмам, и не получают никакого результата. Другие занимаются черной магией, что еще хуже. Мы же основываем все на науке, очень точной науке, и вы попадаете в уникальный в истории человечества эксперимент. Не бойтесь, вы не потеряете ничего, зато очень много выиграете. Вы получите то, что так хотите. Вы победите весь мир! Ну же, смелей! Подумаешь. Всего лишь пару капель крови!

Он говорил так убедительно, что у меня немного отлегло от сердца. И наконец я протянула руку вперед.

– О нет, сами, сами! Нужно уколоть себя самостоятельно и этим проявить свою храбрость.

Я тяжело вздохнула (все равно слишком много прошла, чтобы теперь отступать) и взяла эти предметы. Уколола палец. Кровь брызнула в отверстие – четыре или пять капель.

– Ну, вот и все, – он запечатал флакончик миниатюрной пробкой, потом укрыл целлофановым пакетом и спрятал в дипломат. Я протянула ему шило.

– О нет, оставьте себе. Тем более, что стилет этот одноразовый, изготовленный специально для вас. Оставьте его себе на память.

Я спрятала в сумочку. Стиллет! Ну надо же!

– Вот и все. Теперь готовьте деньги и ждите нашего сообщения. Возьмите это, – он протягивал мне пластиковую карточку (похоже, электронную), черного цвета без каких-либо отметок, только с магнитной пластинкой, и дешевый мобильный телефон, – пластиковая карточка – это ваш пропуск. А по этому телефону мы вам позвоним. Будьте очень внимательны: по нему мы станем звонить только один раз, чтобы сообщить о встрече. Будет это через 7-10 дней. После этого вы должны этот телефон выбросить.

– Как это? – я удивилась.

– Где-нибудь в центре города, или в парке. Просто выбросите его в урну – вот и все. Особых хлопот не надо.

– Или опустить в Москву-реку?

– Как хотите, воля ваша. Только не оставляйте его у себя,

это наше условие.

– Но телефон разрядится за 10 дней!

– Разумеется. Вот, возьмите. Это батарея подзарядки. Выбросите и ее тоже. Не вздумайте кому-то телефон подарить.

– Но как вас зовут?

– Сожалею, мадемуазель, но мое имя совершенно не нужно. Мы с вами никогда больше не встретимся. С вами будут работать другие люди. А сейчас я вынужден откланяться. Мне было очень приятно работать с такой умной и понимающей девушкой.

И, приветливо помахав мне рукой, он пошел по платформе (ни разу ни оглянувшись назад). А затем вскочил в поезд. Через несколько секунд рядом со мной никого уже не было. Я спрятала все в сумочку и пошла к выходу в город.

Очередь была огромной. Это даже была не очередь, а толпа, настоящее столпотворение, ведущее себя на редкость организованно. Казалось, длинная черная змея с разноцветными вкраплениями вьется среди серых камней. Застывшие здания, тихие улочки словно наблюдали это удивительно скопление людей, ведущих себя очень тихо и как-то по-особенному ждущих своей цели. С огромным удивлением он отметил, что полиции возле очереди нет, и никаких заграждений тоже, кроме одного...

Это одно представляло собой несколько металлических стоек, поставленных друг к другу и наивно изображающих из себя ограждение. Возле прохода (стойки образовывали проход) стояли несколько охранников в спецодежде, пропускающие людей внутрь и занося их фамилии в длинные списки. Пропускали без ограничений всех. Он подошел ближе. Входящим было явно до 30 лет, и некоторые из них (и парни, и девушки) были очень красивы. Действительно, красавцы. Но тут же опытным наметанным взглядом он определил и наркозависимых, и явных проституток (вполне возможно, что некоторых из этих девиц сам когда-то отлавливал по притонам и ресторанам).

Входящие переговаривались тихо, приглушенными голосами, и быстро стремились присоединиться к огромной оче-

реди (начало которой было в самом начале переулка). Впрочем, весь переулок был запружен толпой, и конец ее терялся где-то очень далеко в глубинах высокого серого здания. Самым интересным было то, что люди, пересекавшие переулок (какие-то старушки, явные пенсионерки и местные жительницы) смотрели на толпу как на нечто само собой разумеющееся и очень привычное, как будто действительно привыкли к этому зрелищу.

Как бы там ни было, а ему требовалось попасть внутрь. Поэтому он решительно направился к перегородке вслед за двумя девушками: одной – с разноцветной раскраской волос на голове, другой – черноволосой красавицей, чем-то смахивающей на кинозвезду из мексиканских сериалов. Словом, два вполне очаровательных создания...

– Фамилия! – буркнул охранник на входе (так равнодушно, что становилось ясно: несчастный произносит это слово в тысячный раз).

– Иванов! – буркнул первую попавшуюся на ум.

– Вы от кого?

– В каком смысле?

– Ну, от какого агентства или с актерских курсов?

– Ах, это.... Агентство «Престиж».

Охранник что-то записал в толстой и огромной книге.

– Проходите!

– А это уже началось?

– Нет, – охранник бросил на него какой-то странный

взгляд (было похоже, что он собирается спросить у него документы), – кастинг начнется в три часа дня.

Сейчас было начало одиннадцатого утра. Охранник протянул ему картонную карточку.

– Ваш номер 573. Вы можете пройти.

573. Он просто поразился. Но разговаривать времени не было, за ним толпились люди, и он пошел вперед.

– Вас это удивляет? – черноволосая красавица снисходительно обернулась к нему через плечо (когда он встал за нею в конце очереди).

– Конечно! 573 человека! Разве это может не удивить?

– Сразу видно, что вы первый раз на кастинге! Говорят, вчера было тысяча семьсот четыре человека. На каждую роль в этом проекте претендуют по полторы тысячи человек. А ролей, выброшенных на кастинг, всего 17. Вот так-то.

– Зачем же вы здесь стоите? Полторы тысячи – это же нереально! Смешно!

– Нужно же хоть на что-то надеяться?

Он пожал плечами. Какое идиотское задание! И зачем именно его послали сюда?

– Они вызывают по 25 человек, – очевидно, девушка была настроена поговорить с новичком, – и все это длится очень быстро. Кстати, я слышала, что вы из «Престижа»? Ну, так это паршивое агентство! Агентство, которое вот-вот загнет-ся! Оно не может устроить своих актеров ни в один приличный проект. Только на какую-то дешевку, где платят копей-

ки.

– Разве здесь много платят?

– Гроши! Много платят только в рекламе, но туда еще надо попасть. Это не каждому удается. Год назад мне повезло. Попала в рекламу крупной фирмы, рекламирующей женское белье. Имя-то хоть себе сделала, а знаете, как со мной расплачивались? Трусами и лифчиками!

– Тоже неплохо!

– Ага, вам легко говорить! Я пока все на рынках распродала – чуть мозгами не поехала! Говорят, хорошо сниматься в рекламах ресторанов. Там могут хоть накормить.

– Вы актриса?

– Я модель! Прожила бы я на актерские гонорары!

– Понятно...

Длинный конец очереди навевал тоску, и он вдруг понял, какими были у нее глаза (он очень долго пытался это определить, и все не мог). Глаза девушки были... голодными.

Дружелюбно махнув ей рукой, он быстро шел вперед, и шел очень долго вдоль целой очереди. Вторые двери (двери в здание) охранялись более жестко, и охранник едва не упал в обморок, когда он решительно вошел в дверь.

– Вы куда?! Вы что, с ума сошли?! – с ним явно обращались, как с обыкновенным голодным актером.

Он сунул удостоверение охраннику под нос:

– Уголовный розыск!

И быстро пошел по длинному, бесконечному коридору, в

котором тоже были люди. Она была диво как хороша, и толпа расступалась, пропуская ее в дверях. Она плыла по коридору в длинном белоснежном пальто, и полы его развевались по ветру. Ее нельзя было не узнать. Она появлялась сотни раз – с экрана телевизора, с бигбордов уличных реклам, журналов, газет и рекламных проспектов. Ее утонченное лицо вызывало приступы восхищения фактически у всех, а потому ее приглашали рекламировать наперебой – сигареты и бюстгальтеры, машины и бытовую технику, шоколадные конфеты и духи, стиральный порошок и туристические агентства.

В последнее время она рекламировала крупнейшее туристическое агентство с мировым именем (наверное, потому, что особенно хорошо выглядела в каком-нибудь ультрамодном купальнике) на пару с известным итальянским актером. Итальянец был очень молод, хоть и засветился в нескольких фильмах, но карьеру свою только начинал, потому не брезговал рекламой в России. В паре с красавицей выглядел он сногсшибательно, и реклама пользовалась огромным успехом. Какой мужчина не мечтает о такой женщине! Казалось, она излучает саму доброту. А длинная линия ног и изящный овал бедра лишали разума даже самых стойких.

Волосы ее (черные, как вороново крыло) струились по спине как настоящий водопад, и вообще, выглядела она королевой, причем королевой милостивой и до предела очаровательной. Теперь, в коридоре, волосы ее были точно так же распущены по спине, а на лицо был наложен макияж ней-

тральных тонов. Правда, под глазами были круги, а сами глаза почему-то сохраняли очень хищное выражение, но это не играло большой роли. Люди в коридоре все равно расступались, пропуская ее, и она шествовала как королева среди своих подданных.

Позади плелась ее свита. Несколько парней и женщин, по сравнению с ней, довольно блеклого вида. Рядом семенила толстая девица в джинсах и с мобильником на груди, что-то без умолку болтая. Королева не поворачивала головы, всем своим видом демонстрируя к свите полное пренебрежение.

Посторонился и он, прижимаясь к стене, с тем, чтобы дать пройти этой будящей воображение процессии.

– Хороша, правда? – вздохнул охранник за его спиной (он недалеко ушел от входа), – а какая осанка! Вероника Долинская! Снимается в новом сериале!

– Разве она актриса?

– И актриса тоже. Главное она – лицо. Такую на любом плакате представить можно. Что уж говорить о каком-то сериале!

Тут что-то показалось ему подозрительным, и он обернулся:

– Как! Разве съемки уже начались?!

– Да две недели идут!

– А как же все это?

Тут охранник прикусил губу и быстро удалился на свой пост в дверях, лишь махнув на прощанье рукой, что озна-

чало: он и так сболтнул лишнего. Усмехнувшись, он пошел вслед за процессией Вероники Долинской.

Толстая девица наконец замолчала и теперь дышала часто и тяжело, пытаясь приноровиться к шагу длинноногой красавицы. Долинская поправила прядь волос, сбившуюся на лицо, и невероятно злобным тоном бросила:

– Муму отсюда поубирай! И побыстрее!

– Ника, ну ты же знаешь... он же сказал... что же я могу сделать... понимаешь, так происходит потому, что...

– Я сказала: муму убрать! Всех! Абсолютно! И чтоб ни одна мне даже на глаза не попала! А не то ... И постарайся! Я не хочу, чтобы под моими ногами шастала эта падаль!

– Их позавчера привезли из трех агентств и...

– Да, и еще. Если оттуда – ты знаешь, о чем я говорю, хоть одну девицу увижу, Инга пожалеет, что на белый свет родилась! Да и ты тоже!

– А я тут при чем?! – взвизгнула девица.

– При том, что меня нельзя расстраивать! Ты же знаешь, что я этого не терплю!

В тоне Вероники Долинской звучало столько надменной злобы, что вдруг прямо на глазах она принялась терять все свое очарование... С ним происходила просто удивительная вещь: вместо юной красавицы, поражающей своим очарованием, перед ним выростала худая злобная баба средних лет, похожая на ужаленную мегеру, да еще с лиловыми синяками под глазами...

– Да, и еще. Если этот (грубое непечатное слово) вздумает меня с левого боку снимать, я ему (очень грубое непечатное слово), – и, удовлетворенно вздохнув, Долинская открыла дверь какой-то комнаты. От удивления у него распахнулись глаза. Все дело в том, что в последний раз подобные сочные выражения он слышал от одного подследственного, бандита со стажем, которого взяли в одном из притонов с килограммом марихуаны.

Белая дверь, за которой скрылась Долинская с толстой девицей (остальная часть свиты пошла дальше по коридору) являлась входом в гримерку возле огромного съемочного павильона, расположенного на первом этаже. Долинская оставила дверь приоткрытой, поэтому он без зазрения совести прислонился к двери и стал подсматривать и подслушивать (а кто на его месте подступил бы иначе при близкой встрече с такой звездой?). В комнате было несколько гримировальных столиков с ярко освещенными зеркалами и большой, широкий диван. Долинская швырнула свое белоснежное пальто прямо на пол и рывкнула на толстую:

– Где ящик с косметикой?!

– Ника, чего ты волнуешься? Гример будет с минуты на минуту.

По коридору шел официант (молоденький мальчик, явно студент) в черных форменных брюках, белоснежной рубашке и черной бабочке на шее. Мальчик нес поднос, на котором стояла дымящаяся чашка кофе. Никак не отреагировав

на то, что он стоит под дверью гримерки, мальчик постучал костяшками пальцев и отворил дверь.

Он поднес кофе Долинской. Та, взяв чашку с подноса, чуть пригубила напиток. Внезапно лицо ее исказилось:

– Что?! Сахар?! Ты что, положил сахар, идиот?! Разве ты не знаешь, кретин, что мне нельзя подавать кофе с сахаром?!

Лицо мальчика пошло красными пятнами:

– извините... извините... в следующий раз это не повторится...

– В следующий раз говоришь, ублюдок?!

Дальше произошло невообразимое... Вероника Долинская вдруг выплеснула кофе в лицо официанту, а потом швырнула чашку ему в голову.

– Пошел вон!!!

По лицу мальчика, по его белоснежной рубашке текла коричневая жидкость... А Долинская тут же принялась рыться в своей сумочке – так, как будто ничего не произошло. Подобрав чашку с пола, официант быстро вышел из ее гримерки.

Застыв, он продолжал как громом пораженный стоять возле этой двери. За годы своей работы он видел многое. Он видел разрезанные трупы и отпетых уголовников, наркоманов и содержателей притонов, мошенников и самых жалких, опустившихся проституток... Но он никогда не видел такого! Он плюнул на пол и процедил сквозь зубы:

– Уродина! – потом пошел дальше по коридору. Теперь он знал, что Вероника Долинская, улыбающаяся с бигбордов и

экранов телевизоров, самая отталкивающая, отвратительная и мерзкая женщина. Самая уродливая – из всех.

– А чё вы тут делаете?

Перед ним стояла толстая девица из свиты Долинской.

– Вы что, не знаете, что сейчас идут съемки и посторонним нельзя расхаживать по коридору?

– А кто вам сказал, что я посторонний?

– Слушайте, что вы тут шастаете? Я сейчас позову охрану, и...

– Не нужно охраны. Я ищу агентство «Престиж».

– Актерское агентство? Так это в другом крыле здания!

– Может быть, вы мне покажете, как туда пройти?

– И как вас только сюда пропустили?

– Ну, пропустили, как видите. Так что, поможете?

– Ну...

– Если, конечно, ваша шефиня не взбесится!

– Да что вы! Ника сегодня еще в спокойном состоянии!

– Да? Интересно, какая же она в злом?

– Зря иронизируете! Может, у нее есть причины так себя вести! Может, у нее проблемы!

– Понятно... Хотя нет. ничего мне не понятно! Вы на нее работаете?

– Я ее директор.

Так мирно беседуя, они шли по длинным коридорам, поднимались на какие-то лестницы, снова сворачивали и заво-

рачивали... Ему подумалось, что без нее он бы точно не справился.

– Можно вас спросить?

– Да спрашивайте, если уж я трачу на вас свое время (хотя зачем, сама не понимаю!).

– А съемки сериала уже начались?

– Две недели назад.

– А эти люди... Все эти люди на улице?

– Летучий кастинг!

– Что значит – летучий?

– Ну, это значит, что кастинг летучий. В смысле, все они навывлет. Роль в сериале никто из них не получит, потому, что роли давным-давно уже распределены. Да с их стороны просто смешно на что-либо надеяться! Сами посудите: съемочная группа очень большая. Это продюсеры, сценаристы, режиссеры, операторы, монтажеры, ассистенты, гримеры и т. д. И у всех у них есть дети, родственники, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы, дети близких друзей, школьных товарищей и коллег... Словом, список огромный! Все понятно, или что-то еще объяснять? Да при таком раскладе постороннему человеку пробиться на роль просто невыносимо! Вот мы и говорим, когда такое происходит – летучий кастинг. Все навывлет.

– Да, мне все теперь понятно. Но зачем же кастинг объявлен? Зачем всех их собрали вот здесь?

– Разве я не сказала? Ну да, конечно, забыла. Ведь участие

в кастинге платное! Каждый из участников платит. Представляете, сколько денег заработает съемочная группа?

– Господи... Но это же очень жестоко!

– А разве не жестоко забивать себе голову всякой ерундой и надеяться, когда на самом деле не существует никакой надежды даже близко? Умный человек об актерской карьере в наши времена не станет мечтать, а дураков не жалко.

– Жестокий мир.

– Да. Все это очень жестокая тусовка. Но разве где-то бывает по – другому?

– А можно еще один вопрос, раз уж мы с вами так замечательно разговорились?

– Да ради бога! Спрашивайте! Приятно, когда тебя так внимательно слушают.

– А что такое муму?

– Ах, это... – она рассмеялась, – муму – так называют моделей. Ну, знаете, этих молодых длинноногих моделей из модельных агентств. Все они очень смазливые, очень глупые и ничего абсолютно не стоят. И еще: каждую из них так легко утопить. Так называют их, в основном, люди, которые долго варятся в этом бизнесе, как Ника, например. Она ведь прошла огонь, и воду, и медные трубы. Кстати, у нее ведь модельное агентство есть, а, значит, говорить так она имеет полное право.

– Почему же она так их ненавидит?

– Кого? Муму этих? Разве вы не понимаете? Они все

молодые и еще свежие, хотя свежесть их, разумеется, продлится недолго. А Ника уже начала стареть. Ведь ей уже 36. И ей очень трудно выдерживать конкуренцию с 17-летними. Между нами говоря, последний любовник Ники, очень влиятельный бизнесмен, сменил ее на 18-летнюю девчонку. Правда, и девчонку он уже бросил, но Нике все равно обидно. Так что теперь когда Ника появляется, поблизости не должно быть вообще никаких моделей. Даже на кастинге. Да и любого человека они раздражают: тупые, наглые, везде лезут и так себя прут вперед, что кого угодно с души воротить будет!

– Разве в этом сериале снимаются такие?

– Да. Есть несколько. Дочки всяких важных людей. Смазливые, сопливые, но такие наглые – не приведи Бог встретить! Ника от них впадает в ярость. Она специально требует, чтобы их сцены снимались в разные дни. Да режиссеры с продюсерами с радостью на это идут, сводить их вместе небезопасно. В прошлый раз Ника и одна из них вцепились друг другу в волосы. Скандал был страшный! Еле удалось замять.

Наконец, оказавшись в очередном коридоре, они остановились.

– Все, пришли, – и девица заторопилась по лестнице вниз. На белой двери висела табличка «Актерское агентство «Престиж», Он решительно постучал в дверь.

В тесной комнатухе с единственным окном, выходящим

во внутренний дворик (настоящий световой колодец) девица с невероятными акриловыми ногтями пыталась печатать на компьютере. Ногти были как половина ладони, они цеплялись за клавиатуру и над одним-единственным словом девица билась изо всех сил. В комнатухе было жутко душно, накурено. Серые металлические шкафы вдоль стен унылого советского вида больше напоминали принадлежность бухгалтерской конторы, чем актерского агентства. Увидев, что в дверь входит мужчина, девица заметно приободрилась, расправила свои ногти (прямо как щупальца!) – так, чтоб играли они на свету и приняла кокетливую позу:

– Здравствуйте! Вы к нам?

Явно нелепый вопрос! Можно подумать, он шел к их соседям!

– Я хотел бы видеть вашего директора, – попытки девицы с ним кокетничать не только не вызвали интереса, наоборот, раздражали.

– Пожалуйста! Вы из какой кинокомпании?

– Я не из кинокомпании!

– Тогда из издания?...

– Директора позовите!

– А вы откуда?

Он раздраженно сунул ей под нос свою красную книжку. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Девицу подбросило со стула как катапультой, и, бешено царапая ногтями воздух, она ворвалась в соседний кабинет. Вскоре оттуда

выплыла величественная дама лет 45-ти, со сногшибательной прической и бриллиантами в ушах, хищно блестящих при каждом ее шаге. Несмотря на всю свою величественность, чем-то она напоминала бывшую бандершу, а может, и действительно была такой. Дама начала с возмущения:

– Что вам надо? Зачем вы сюда пришли! С налоговой все вроде улажено!

– Я не из налоговой.

– Тогда откуда? У меня никогда не было проблем с вашим заведением! Вы ошиблись адресом!

Не слушая дальше ее монолог, он шагнул в раскрытую дверь ее кабинета. Дама следовала за ним.

– Послушайте, что вам нужно?! Я не понимаю причин этого варварского вторжения...

Кабинет ее был обставлен вполне современно: дорогой офисной мебелью, совсем не так, как приемная секретарши. Дама заметно нервничала и на нервной почти все ее лицо пошло красными пятнами, и было это очень забавно наблюдать.

– Вы всегда так нервничаете при виде полицейского?

– Приходится! От вас ничего хорошего не жди! Ваше появление всегда неприятности! Что вам от меня нужно? У меня все в полном порядке!

– Вы директор агентства «Престиж»?

– Вы что, сами не знаете, куда пришли?

– Посмотрите на эти фотографии! – он протянул ей два

снимка. Дама изучала оба не дольше двух секунд, потом небрежительно вернула ему:

– Ну и что?

– Вы узнаете этих девушек?

– Вы что, смеетесь? У меня в картотеке тысяча восьмисот людей по одной только Москве! Неужели я всех должна помнить в лицо?

– Как же вы работаете со своими клиентами?

– Я работаю не с клиентами, а с кинокомпаниями, рекламными агентствами, изданиями – словом, всеми организациями, кто использует человеческую внешность как товар. Представители кинокомпаний просматривают каталог. Но чаще всего мне просто сообщают, актеры какого типа их интересуют, мы вводим данные в компьютер и отбираем подходящие варианты. Если же речь идет о массовке, мы сообщаем абсолютно всем. Так что, как видите, все очень просто. Я и не должна всех знать.

– Как же вы отбираете актеров?

– Просматриваю их анкеты, актерские работы, съемки, в которых брали участие. Ну и, конечно, ограничения по возрасту и по внешности. Нам не каждый подойдет.

– У вас платные услуги?

– Разумеется! Есть лицензия, прејскурант на услуги, мы платим налоги, так что все законно!

– Вы хозяйка?

– Да, я.

– А кем вы были раньше?

– Актрисой. Правда, не очень успешной. Работала большей частью в провинциальных театрах. Потом заработала денег и открыла это агентство.

– И дела ваши процветают?

– Мы не жалуемся!

– А клиенты не жалуются, когда вы посылаете их на летучие кастинги?

– Что, успели разобраться в терминах? Но ведь очень просто – разве существует хоть одна профессия без риска? Особенно там, где речь идет об успехе? К тому же, эти кастинги совсем не летучие. Хороший актер всегда может произвести впечатление на режиссера или продюсера, и его пригласят для каких-то будущих проектов. Он может остаться в памяти, чем-то поразить, запомниться.....

– Выделиться среди тысячи человек...

– А это уже дело таланта! Хороший актерский талант выделяется из миллиона! У меня есть много хороших актеров, их часто приглашают.

– Но есть и такие, как эти две девушки, которых вы даже не знаете в лицо? Которых никто не запоминает?

– Да, таких большинство. Как я поняла, вас интересуют именно они. Давайте я посмотрю их по каталогу. Скажите мне фамилии!

– Балинова и Литвиненко.

– Да, действительно, они есть... – пощелкав на компью-

тере, дама остановилась, – Алена Балинова, 19 лет.... Жительница Подмосковья... Принимала участие в съемках рекламы стирального порошка, участия в кастингах модельных агентств... Все! Не удивительно, что я ее не запомнила! Абсолютно пустое серое место. Таких у меня большинство. Как я поняла, перспектив никаких. Кажется, я с ней вообще не общалась. Я общаюсь только с теми, кто подает хоть какие-то надежды и кого можно продать.

– Девушка мнила себя кинозвездой.

– Они все мнят себя кинозвездами – без всяких на то оснований. Давайте я посмотрю вторую... Так... Лариса Литвиненко, 21 год. Снималась в массовке, фильм «Поцелуй под дождем». Потом – эпизодическая роль в сериале «Солнце Сахары». Реклама колготок..... Вроде бы все... Тоже – ничего особенного, как видите. Не помню. И ее не помню. Судя по ее карьере, просто смехотворной, перспектив никаких... Да, забыла сказать, с теми, кто не перспективный, в основном общается моя секретарша. Сейчас я ее позову, – и нажала какую-то кнопку на столе.

В комнате появилась девица с акриловыми ногтями и директор протянула ей фотографии.

– Я их не помню! – уверенно заявила девица, – они наши?

– Наши. Одна снималась в рекламе, другая – массовка, эпизод и реклама.

– Тогда на сегодняшний кастинг я их не вызывала. Я вызывала только тех, кто может претендовать на полную роль,

а массовку нам не заказывали.

– Но может быть, они сами сюда приходили, узнать... – попытался он.

– А им нечего ходить! – отрезала директорша, – мы этого не любим! Если есть что-то – мы сообщаем, а если ничего нет – мы молчим. А те, кто сюда ходит самостоятельно, вылетают из списка! Что с нами будет, если каждый день сюда будут являться 1800 человек! – с этими словами директор поднялась, давая понять, что аудиенция закончена.

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ
14 ЯНВАРЯ 2013 ГОДА.

Крики затихли около полуночи. Еще на лестничной площадке, только приближаясь к квартире, я уже слышала их. Собственно, что еще можно было ожидать?

Дверь квартиры любопытной соседки тотчас открылась (стоило мне подойти) и оттуда высунулся ее длинный нос (вот так схватила бы и прищемила этот поганый нос дверью!).

– Щас полицию вызову... телевидение... и в газеты позволю! Во все сразу! Пусть видят, как эти звезды живут! И на них должны быть какие-то законы! Управа найдется! Найдется! Я вот щас...

– А ну пошла! – я так рывкнула на нее, что с перепугу тетка хлопнулась о свою же дверь, – пошла отсюда, сказала!

Тетка шваркнула дверью, захлопывая ее на все замки (бронированное железо жалобно застонало – что только приходится переносить этому железу от людей!). Для остротки я двинула каблуком по проклятой двери и выругалась (ни минуты не сомневаясь, что соседка продолжает стоять под дверью). Теперь мне стало легче, и я уже со спокойной совестью могла зайти в квартиру Ри.

Крики вибрировали. Голос моей сестры звонко разносил-

ся под сводами подъезда. Если б она умела так заливаться на сцене, то давно заслужила бы мировую славу (по меньшей мере, Мадонны). Второй голос тоже нельзя было не узнать. От интонации его меня передернуло. Вал. Евг. Истерически не орал (он вообще никогда не орет), но по ноткам его голоса я поняла, что он взбешен, доведен просто до предела... Ну еще бы! Какой человек выдержит! Я пожала плечами и открыла ключом дверь.

Они были одеты для выхода, и я вдруг вспомнила, что в полночь у Марины где-то концерт. Так как было без двадцати двенадцать, то они опаздывали. С мехом на плечах, прической и макияжем Ри могла бы сойти и за хорошенькую! Если б не черный рот, бесконечно распяленный в истерике. Увидев, как я вхожу, она набросилась на меня:

– Что ты подкрадываешься?! Что ты все время подкрадываешься, как будто хочешь что-то выпытать! Какого черта ты прилезла?! И вообще – ты снова поставила машину под окнами первого этажа! Меня от твоей машины уже тошнит! Эта старая сука из седьмой квартиры снова устроит мне истерику! Сколько раз я просила тебя не ставить туда свою сранную машину?! Ты, дура недобитая, неужели так трудно запомнить?!

– Да я приехала всего на десять минут...

– А концертов мне от этих десяти минут хватит на две недели!

Вал. Евг. на меня не смотрел. Я думала, что он вмешается

(мог же он хоть как-то ее осадить!), но он на меня не смотрел. Делал вид, что его тут вообще нет. Поддонок.

– Что у вас случилось? – я попыталась вставить хоть пару слов в этот бурный поток, но не тут-то было.

– А кошка?! А кошка из девятой квартиры?! Ты что, задавила кошку этой идиотки из девятой квартиры? Ты мне штуку баксов отвалишь за это, дура поганая! Ты знаешь, что она со мной делает?!

– Какую кошку?! Ри! Ради Бога!

– Она везде звонит и пишет, падла старая! А кошка, между прочим, попала под твою машину! И после этого ты смеешь сюда так являться?

– Да что с тобой?! Объясни толком!

– Соседка из девятой квартиры считает, что ты задавила ее кошку машиной, – раздался холодный, спокойный голос Вал. Евга, – и требует от нас полторы тысячи долларов компенсации.

Мне вдруг показалось, что я попала в сумасшедший дом. В палату для буйнопомешанных! Все это просто не могло происходить на самом деле! Нормальные люди в нормальном мире так себя не ведут!

– Никого я не давила! Никаких кошек! Она сумасшедшая, эта ваша старуха...

– Сумасшедшая или нет – это сейчас не главный вопрос. Главный другой – ты деньги будешь платить или нет?

– За что?

– За кошку!

– Да вы что тут, все с ума посходили?!

– Значит, не будешь! В принципе, это правильно. Все равно она ничего не сможет доказать, даже если будет стараться очень сильно...

Внезапно я стала кое-что понимать.

– Вы из-за этого ругались?

Оба срочно отвели глаза в сторону. Это было доказательством: они набросились на меня потому, что не хотели со мной говорить.... Говорить о том, что случилось, о причине этих безумных криков. Я вдруг почувствовала тонкую струйку ледяного пота, стекающую вдоль спины... И от этого мне стало совсем плохо.

– Что случилось? Почему вы не хотите говорить?

– Мы опаздываем! Вечно опаздываем! А тут еще ты явилась! – Ри вдруг заметалась по прихожей, широкими полами своего длинного платья сбрасывая какие-то вещи на пол, – где сумка с косметикой?! Где мобильник?! Да провались ты пропадом, к черту!

Так бешено бегая, она вылетела в другую комнату. Я схватила Вал. Евга за руку, резко развернула к себе:

– Что произошло?! Ты-то хоть можешь сказать?

– Сейчас нет! Перезвони.

– Куда вы едете?

– В клуб, – он назвал недавно открывшееся заведение, но уже достаточно популярное в Москве.

– У Марины там что, концерт?

– Выступает в программе! – выражение его глаз стало таким жестким, что я вдруг жутко чего-то испугалась и не решилась спросить, в какой программе выступает Ри... Я догадывалась, что это за программа, и мне было страшно-страшно, как будто падала в самый низ я, а не они... А может, так и было на самом деле? Может, это я падала вместе с ними? Или падала только я, а они оставались стоять? Взметнувшись целым фонтаном черного шелка и меха, Ри пулей пролетела прихожую и выскочила в раскрытую дверь (кстати, я забыла закрыть ее за собой), на ходу выкрикнув какое-то грязное ругательство в адрес снова высунувшейся из-за двери соседки...

– Перезвони! – бросил Вал. Евг, даже не поворачивая ко мне головы.

Перезвонить! Сволочь и хам! Тратить на болтовню с ним свои кровные деньги! Можно подумать, у меня бездонная бочка, а не счет! Только начало месяца, а я по мобильнику уже на сто долларов наговорила! А кто будет платить? Попробуй, заикнись! У, сволочь! В тот момент все внутри так и кипело от возмущения.

Я быстро забрала то, ради чего приехала в квартиру (кое-что из старых Маринкиных вещей. Все равно она не заметит их пропажи, у нее четыре шкафа вещами забито!) и почти бегом спустилась вниз. Я не пробыла там и пяти минут, а соседка уже стояла в окне первого этажа, демонстративно

записывая номер моей машины.

Я надеялась успокоиться по дороге к себе, но не тут-то было! Что-то грызло меня изнутри – так сильно, что аж трясло! Я хотела забыть их крики (замолкнувшие почти в полночь потому, что они наконец-то убрались из этой квартиры), истерическое метание Марины посреди чужих, так и не ставших родными для нее стен, жесткий холодный блеск в глазах Вал. Евга, от которого мне всегда становилось не по себе... Он был каким-то очень странным человеком... всегда... Но об этом потом... Наконец я не выдержала. Выехала на какую-то улицу потише, остановилась возле чужого, незнакомого дома и... разумеется, позвонила Вал. Евгу. Казалось, он обрадовался. Услышав меня, но как только я задала вопрос о том, что произошло, голос его стал ледяным.

– Это не телефонный разговор!

– Но я должна знать! Я чувствую что-то очень плохое...

– Мне все равно, что ты чувствуешь! Говорить сейчас я не могу!

– Тогда давай встретимся тогда, когда ты сможешь говорить!

– Ладно, думаю, ты от меня все равно не отцепишься... подъезжай сейчас к клубу. Я выйду. Знаешь, где служебный вход?

Ну вот, пожалуйста! Снова тащиться черти куда, да еще ночью, через всю Москву! Слава Богу, хоть бензина полно, целый бак. Но я была так сильно заинтригована, что не ехать

уже не могла... Остановившись рядом с входом, я снова позвонила. И вскоре в моей машине сидел Вал. Евг.

– С Мариной большие проблемы. Она жутко взволнована, и я сильно за нее беспокоюсь. Сама знаешь, у нее сейчас проблемы с карьерой, и эта нервозность может только помешать... – как всегда, лицо его было абсолютно непроницаемо, и то, что он думает, я не могла прочитать.

– Но для волнения должен быть повод.

– Повод есть. Ты наблюдательна! – он удовлетворенно кивнул (как будто открывать во мне какие-то качества было для него удовольствием... Но ведь на самом деле это было не так?), – Видишь ли, я получил повестку из прокуратуры. Меня вызывают к следователю.

– Это что-то серьезное?

– Конечно, нет! Ну сама подумай – разве у меня может быть что-то серьезное? Разве я недостаточно влиятелен и богат, чтобы избежать любых проблем? Думать о каких-то проблемах в моем случае просто смешно! Но Ри почему-то никак не хочет этого понять, и буквально сходит с ума... Я уже несколько раз посылал своего адвоката, но следователь хочет в этот раз поговорить лично со мной, и у меня есть повод... Скажем, согласиться на эту встречу. А Ри настаивает, чтобы я не ходил. Она боится – а чего боится, я так и не сумел понять.

– А что же произошло? В чем там дело?

– Кого-то убили. Я так и не понял, кого. Какую-то жен-

щину, кажется. Абсолютно незнакомое мне имя. Или даже двоих...

– А при чем тут ты? Какое ты имеешь к этому отношение, если этих женщин ты даже не знал?

– Не все так просто, как кажется. У одной из этих девиц была карточка, выданная кем-то из сотрудников моего офиса, занимающихся проектом Виноградовой. Эта карточка – нечто вроде кода личного доступа в офис. Ты ведь знаешь, в мой офис не войдешь просто так. Дело в том, что эта карточка означала прямую связь с кем-то из моих сотрудников. Посторонним людям такие вещи не выдаются.

– Не понимаю! Что за шпионские страсти?

– Все очень правильно! Такие карточки доступа созданы специально, чтобы толпы сумасшедших подростков, мечтающих стать звездами, не осаждали продюсерский офис. С улицы так просто не войдешь. У посторонних практически нет никаких шансов. А с такой карточкой можно войти. Знаешь, какое количество людей рвутся в заветные двери? Страшно даже сказать! А такую карточку получают только люди, напрямую связанные с этим бизнесом, и как она оказалась у каких-то незнакомых девиц, я просто не могу понять.

– А почему они хотят расспросить тебя, а не твоих сотрудников?

– Они хотят знать, как работает вся система.

– А может, кто-то собирался заняться этими девицами? Как проектом?

– Нет. Это полностью исключено. Все наши проекты я знаю назубок, а новых мы сейчас не берем.

– Это странно.

– Очень. Но я думаю, что карточку просто могли у кого-то украсть. В любом случае, это не повод для таких истерик, которые устраивает мне Ри! С этим делом я вообще никак не связан.

– Почему же ты не захотел мне сразу все рассказать?

– разве ты не знаешь? Или не помнишь? Ри вообще ничего не должна знать! Не должна слышать, о чем мы с тобой разговариваем! Неужели ты до сих пор так ничего и не поняла?

Я-то поняла давно, но в тот момент просто выгодно было прикинуться идиоткой. Что я и сделала. Вал. Евг. Даже как-то подобрел.

– Мне пора. Хоть ты-то не волнуйся!

– Когда ты туда поедешь?

– Завтра. Вернусь, позвоню!

– Ты не пригласишь меня внутрь?

– Нет. Тебе там нечего делать. Уезжай.

И я уехала. По дороге думая об очень многих вещах, но об этом потом.

СТРАНИЦА НИНЫ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ 4 ЯНВАРЯ 2013 ГОДА.

Повезло, как утопленнику! Вляпалась по самые уши. Правильно говорят – дурная голова сама себе беду найдет (или что-то вроде). Ну да, абсурд – за 5 дней похудеть на 15 килограмм! И самое главное – для Инги это в порядке вещей. С таким рационом я превращусь в скелет ходячий! У меня уже отказывают мозги (хотя нет, не так – мозги у меня отказали давным-давно, в тот день, когда я послушалась свою сумасшедшую сестричку, всегда бывшую моим идиолом. Скажи мне, кто твой идол, и я скажу, кто ты!).

Так вот: эта крашенная рыжая лохудра (тоже мне диетолог – она и уличную дранную кошку, подышающую от истощения, заставит худеть) подсунула мне адрес какого-то магазина на Петровке, чтобы я там купила особый черный пророщенный рис. С виду – гадость несусветная! И вот на этой гадости мне придется сидеть целых пять дней! Ем теперь так: завтрак – столовая ложка этого проклятого черного риса и стакан воды. В полдень – чайная ложка риса и снова стакан воды (меня терзают смутные сомнения о том, что рис этот – не рис, а какая-то проклятая химия, вроде засушенных червяков, по которым, как мне рассказала Инга, пару лет назад все с ума сходили).

Обед – салат из морской капусты (голая морская капуста, промытая водой, без соли, специй и подсолнечного масла, ровно 150 грамм). Ужин – (ровно в шесть, а после него – ни крошки еды!) – салат из белокаменной капусты (снова без масла и всего. Ровно 100 грамм). И ужин, и обед запиваются водой. Воды можно пить сколько угодно. Чай, кофе, сок – ни в коем случае! Спиртное – очень смешно! Молоко и йогурт (даже обезжиренный) тоже из области фантастики! Говорят, после такой «капустно-рисовой» диеты фигура становится обалденной (в смысле, тощей, как у советской «синей курицы»), зато отказывают мозги.

Что ж, как говорится, издержки профессии. А все потому, что я дура! Была бы умнее, не влезла бы на этот кастинг, особенно в тот момент, когда в кабинет Инги входил (вернее, вползал) этот позолоченный бегемот, сам весящий килограммов 200, не меньше! Словом, когда я всех повыталакивала и влезла внутрь (ну, оттолкнуть кого-то с дороги для меня не проблема, я могу пройти и по головам) Инга даже обрадовалась – ну еще бы, я звезда, лицо ее агентства! Бегемот выглядел так, как и должен выглядеть, из чистопробной серии «Крутая Москва».

Джип представительский, весь в золоте – платине, пальцы – веером, уши – пистолетом, живот – барабаном, мобильник «Верту» (или как там эта идиотская фирма пишется, у которой мобильники по 30 тысяч евро), костюмчик – стоимость однокомнатной квартиры где-то в Теплом стане, а, главное,

манера смотреть в глаза – вернее, смотреть мимо глаз. Когда смотрят вот так, мимо глаз, мимо тебя с зеркально – бетонным лицом, чувствуешь себя какой-то раздавленной букашкой где-то с сельской дороги глубокой Сибири, и все внутри будто холодеет, а ты ничего не можешь возразить.

Такая манера с тобой не общаться всегда существует у очень богатых людей, это словно знак особого общественного положения, знак касты, и нет ничего хуже, чем столкнуться с этим кошмаром хотя бы один раз, и завязнуть по уши, а потом выносить это вечно. Печальная участь! Не понимаю идиотов, способных об этом мечтать. Хотя, вообще-то, они не знают... Не знают, как это, когда смотрят мимо тебя, да еще и говорят о тебе в третьем лице, а ты вынуждена принимать соблазнительные позы и думать только о том, не потек ли твой макияж и как ты выглядишь со стороны... Хуже ничего не придумаешь! Его манера говорить соответствовала его манере смотреть. Говорил он обо мне в третьем лице, не стесняясь в выражениях. Инга заставила меня раздеться до нижнего белья и пройти в дефиле. Мне просто повезло в тот день, что на мне было приличное белье (хотя нормальные профессионалки набор косметики, туфли на профессиональных каблуках и белье для показа всегда держат в сумке). Словом, он смотрел на меня внимательно всего минуты три (с очень скучающим выражением), затем выдал:

– Ноги у нее слонови!

Инга возмутилась и принялась что-то говорить. Он отре-

агировал второй порцией:

– Слоновые ноги и доска вместо груди! А живот висит! Если за 4 дня уберет жирный живот – можно подумать.

Инга снова принялась его убеждать (надо сказать, что Инга гениальный продавец! Она способна убедить глухого купить плеер. Сказывается базарная практика. Ходят черные слухи, что в далекие дни своей молодости – кстати, Инга изувечила бы меня за эту фразу, она торговала на базаре). Убеждала долго, минут 20. Я думала только о том, что тушь для ресниц следовало бы сменить, и старалась все это не слушать. Выслушав Ингу, он в чем-то с ней согласился и выдал свое согласие третьей порцией:

– Она ничего. Только ей следует сильно похудеть! Слоновые ножки можно закрыть вечерним платьем. Прическу поправить... Ну, это твоя забота, конечно. Только вот лицо у нее какое-то провинциальное! Понятно и так, что она из деревни, но чтобы это так ясно было написано на лице...

Я чуть не расплакалась. Инга что-то быстро зашептала ему на ухо, и он смягчился:

– Ладно. Если так, то, тогда конечно, пусть будет она. Я не возражаю. Мне вообще-то все равно, главное, чтобы клиентам понравилось.

– Ну, мои девушки способны понравиться даже вам! – рассмеялась Инга.

– Шутишь! Да эти стиральные доски мне всю джакузи ребрами своими исцарапают! Черт ее знает, эту моду, платить

такие деньги этим дефективным вешалкам, которые не только выглядят оглоблями, но и двух слов связать не умеют!

Инга возразила на это, что ее девушки приучены не раскрывать рта. С ее стороны это был очень умелый коммерческий ход. В других агентствах, наоборот, хвалились, что из девушки интеллектуальны и умны, а на практике (то есть когда они раскрывали накрашенный ротик, показывая себя) выходили сплошные скандалы и конфликты. Некоторые клиенты даже требовали вернуть деньги, когда такая «интеллектуалка» своими ляпами срывала важную презентацию. Инга же в этом отношении была очень умной. Она сразу заявляла, что ее девушки приучены молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.